

Сны нездѣшніе

(Къ двадцатипятилѣтію кончины В. С. Соловьева)

Здѣсь Вы нездѣшніе
Вѣрные сны.

В. Соловьевъ.

Въ каждомъ человѣкѣ самое дѣльное — это его собственный, неповторяемый и единственный въ мірѣ обликъ, какъ физическій, такъ и духовный. Тоже можно сказать и о семьяхъ, во всемъ ихъ многообразіи. Но бываютъ семьи, исключительно своеобразныя, даже необыкновенныя по своимъ чертамъ и по своему значенію для окружающихъ.

Такая совершенно особенная, ни на какую другую непохожая была семья Соловьевыхъ.

И не потому, что въ числѣ ея членовъ были : отецъ — знаменитый историкъ, старшій сынъ — популярный въ широкой публикѣ романистъ, второй — Владиміръ Соловьевъ, третій крупный по своему моральному значенію и вліянію на окружающую писательскую молодежь педагогъ, издатель и переводчикъ, младшая дочь извѣстная поэтесса, писательница и художница, еще одна, тоже причастная къ литературѣ, авторъ воспоминаній о своемъ братѣ Владиміръ, лучшаго и наиболѣе правдиваго, что написано о нечъ; не по этому признаку эта семья замѣчательна, а по общему своему душевному и умственному облику, по яркой оригинальности, по душевному своему богатству.

Такъ и значеніе для русской и европейской умственной жизни наиболѣе крупнаго изъ Соловьевыхъ, Владиміра Сергѣевича, не ограничивается ни его ролью ученаго и философа, ни поэтическимъ его творчествомъ, ни вліяніемъ въ области общественной и политической, ни даже его работами религиозными.

Весь онъ—со своею тонкой и высокою фигурой, блѣднымъ лицомъ и курчавившимися сѣдоватыми волосами, со своимъ нелѣпымъ, совершенно единственнымъ смѣхомъ, со своими глубокими

чудесными глазами, былъ благороденъ и необыкновененъ. Мой братъ, философъ Лопатинъ, ровесникъ и съ ранняго дѣтства другъ Владиміра Соловьева, говорилъ про него: есть люди, сдѣланные изъ чистаго драгоценнаго камня, — такая душа у Володи Соловьева.

Семья наши были очень близки, настолько, что почтенная, весьма извѣстная въ Москвѣ старушка, остатокъ умершаго славнофильства, пресерьезно доказывала мнѣ, что Соловьевъ мой двоюродный братъ, и рекомендовала обратиться за справками къ моимъ родителямъ.

Братомъ онъ мнѣ не былъ, но былъ чѣмъ-то не менѣе близкимъ, и не мнѣ одной, а всѣмъ намъ; ибо воспоминанія дѣтства, впечатлѣнія юности и всей жизни, взгляды на жизнь и ея смыслъ были у насъ въ значительной мѣрѣ общіе.

Общею была та духовная атмосфера, которой мы дышали, начиная съ «дѣтской» — какъ бы ни различны были пути потомъ.

Можетъ быть имело потому мнѣ особенно трудно изобразить его во всемъ его объективномъ значеніи. Одна очень просвѣщенная католичка (образованные католики всѣ чтутъ его) спрашивавши сказала мнѣ: *Vous l'avez trop connu, pour le bien connaître.*

Но 31 іюля въ девять часовъ вечера исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня его кончины, въ обстановкѣ необыкновенной, какъ вся его жизнь, и вполне этой жизни соответствующей. А 24 августа минулъ годъ кончины въ Россіи, въ больницѣ, его меньшей сестры, которую мы всегда считали болѣе всѣхъ внѣшностью похожей на него, а въ существѣ своею, какъ и онъ, совершенно своеобразною, — моего друга Поликсеи Соловьевой (А Negro). Она была послѣдняя — всѣ Соловьевы, члены этой многочисленной семьи, ушли. Всѣ они умерли. По эту сторону черты, отдѣляющей насъ отъ Россіи, — мало книгъ, источниковъ и совершенно нѣтъ старыхъ писемъ, дневниковъ, записей, всего того, что воскрешаетъ прошлое. Вотъ почему, не сомнѣваясь, что мѣсто, которое занималъ Соловьевъ не только въ русской, но и во всемирной мысли, будетъ въ свое время очерчено въ должной полнотѣ, я сочла себя обязанной написать все послѣдующее, — подвѣдывая тѣмъ, что я знаю объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Воспоминанія мои о немъ таковы, что я совершенно не могу не касаться въ нихъ его сестеръ, семьи вообще, а попутно и нашей семьи, нашихъ двухъ старыхъ «домовъ» — съ домочадцами, гостями и всѣмъ ихъ особеннымъ, уходящимъ теперь все дальше бытомъ.

I

Мы были одной из первых семей Москвы, начавших ѣздить лѣтомъ на дачу. Это до нѣкоторой степени было новшествомъ, конечно потому, что огромное большинство тогдашней «интеллигенціи» принадлежало къ сословію дворянъ, помѣщиковъ, которые и жили по своимъ имѣніямъ. Отецъ мой былъ изъ первыхъ судей новаго суда Александра II, имѣлъ для отдыха лишь краткій «вакантъ». всего шесть недѣль. Мать моя была болѣзненна, бракъ ихъ уже и тогда считался исключительнымъ и возбуждалъ удивленіе, — родители мои никогда не разставались. Кромѣ того, мать моя съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относилась къ помѣщицѣй средѣ и не любила деревню.

Подъ Москвою, за Петровскимъ Паркомъ, въ чудесной мѣстности, съ лѣсами, обрывомъ кады рѣчкой, прудами, стариннымъ барскимъ домомъ и церковью — расположено Покровское, — имѣніе въ то время Глѣбова-Стрешнева, безногаго старика, котораго возили въ креслѣ. На большой дорогѣ, вполсѣдствіи шоссе, называвшемся Ильинскимъ, по имѣнію Государя верстахъ въ десяти, стоялъ длинный рядъ плохенькихъ деревянныхъ дачъ съ налесадами противъ рва и вала, огибавшаго паркъ усадьбы. На «задахъ» были избы владѣльцевъ дачъ — мужиковъ, жившихъ этими дачами. Мы перебирались съ весны до конца августа и, такъ какъ это длилось много лѣтъ сряду, то Покровское стало для насъ, дѣтей, чѣмъ-то родѣ собственной «деревни». Мы знали всѣхъ мужиковъ. Филиппъ, вѣчно гдѣ-то пропадавшій (говорили въ ссорогѣ); появленіе его наводило на всѣхъ ужасъ, ибо сопровождалось жестокимъ избіевіемъ жены, которая спасалась отъ него въ лѣсъ; красивые братья богатаго двора Барановыхъ — молодецъ къ молодцу; Пестръ Полуянъ, пьяница и хвастунъ, нанимавшій за двугривенный косякъ даже свою крошечную дѣлянку и подбадривавшій поденщика покрикиваніями съ заваленки: «работай чище». Неизбѣжный дурачекъ Яша съ острымъ носомъ, безъ лба. И, наконецъ, Стеланъ — странный, нѣмой и безногій человекъ, сидѣвшій у церкви; вмѣсто ногъ у него было что-то, плотно обернутое чернымъ, подымавшее пыль, когда онъ ползалъ, а когда я давала ему пяточекъ, онъ кивалъ мнѣдохматою головою и издавалъ радостныя, беззвучныя восклицанія, улыбаясь и открывая беззубый ротъ. Много было въ прежнихъ деревняхъ убогихъ.. И всѣ дачи — жили мы на разныхъ — имѣли для насъ разное значеніе и свои воспоминанія.

Семья историка Сергія Михайловича Соловьева поселилась

въ Покровскомъ въ то-же приблизительно время — ранѣ моего рожденія.

Сергѣй Михайловичъ, который въ моемъ представленіи съ тѣхъ поръ, какъ я себя помнила, всегда писалъ свою «Исторію», жилъ на дачѣ съ узенькимъ палисадникомъ, носившей названіе «Поповой дачи», съ большимъ окномъ кабинета на шоссе. Въ минуты отдыха и за самыми занятіями онъ дѣлалъ всякія наблюденія и обобщенія надъ русскимъ народомъ — вся жизнь шла тутъ-же, совсѣмъ близко.

Сергѣй Михайловичъ былъ изъ духовнаго званія. Мы знали это по большому, въ краскахъ, портрету архіерея, висѣвшему въ Москвѣ въ столовой. Кажется онъ былъ сынъ священника въ приходѣ Іоанна Предтечи въ Староконюшенномъ переулкѣ въ Москвѣ. Поликсена Владиміровна Соловьева, рожденная Романова, дочь помѣщика Екатеринославской губерніи, училась въ Москвѣ въ Екатерининскомъ институтѣ вмѣстѣ съ моею матерью. Должно быть она была очень красива: немножко южнаго типа, съ черными и въ старости волосами, по старинному лежавшими какъ-бы грядками по обѣ стороны рада, ярко черными бровями и прямымъ носомъ. Моя мать восхищалась ея добротой, смиреніемъ и кротостью, а главное безграничной ея любовью къ мужу, который какъ бы былъ весь смыслъ ея жизни — при налиціи восьми дѣтей и трехъ, умершихъ въ младенчествѣ.

Мнѣ рассказывали, что Поликсена Владиміровна однажды привела къ намъ смуглаго, темноглазого мальчика въ новенькихъ сапожкахъ, черныхъ, съ красными отворотами. Тогда такіе сапоги были въ модѣ, и надѣли ихъ на Володю въ первый разъ. Это, видимо, совершенно поглощало его. Онъ сидѣлъ, покуда наши матери говорили, и непрерывно поглядывалъ на свои ноги. Моя мать обратила на это вниманіе, когда кроткая Поликсена Владиміровна вдругъ сказала: — Володя, я тебѣ говорю; если ты будешь все смотрѣть на сапоги, я ихъ сниму съ тебя.

Семья Соловьевыхъ была очень большая. Старшій, Всеволодъ, авторъ извѣстныхъ историческихъ романовъ, былъ много старше остальныхъ. Мы его не любили. Онъ казался намъ какъ-бы другого типа, чѣмъ всѣ Соловьевы: зато онъ былъ любимцемъ матери. Потомъ шли дѣвочки — Вѣра (впоследствии жена профессора Попова), Надя, оставшаяся незамужней, самая красивая изъ всѣхъ, любимая сестра Владиміра, его обожавшая, Владиміръ, Любовь (Степанова), Миша, про котораго сестры говорили, что у него одна душа съ братомъ Володей, Маша (Марья Сергѣевна Безобразова) и, наконецъ, меньшая изъ Соловьевыхъ, Сена-Allegro и Алексѣй Меньшовъ. Псевдонимъ этотъ имѣлъ

свою причиною то, что въ семьѣ, передъ рожденіемъ меньшей дочери, всѣ ждали почему-то мальчика, и назвать его должны были Алексѣемъ.

Въ воспитаніи обѣихъ нашихъ семей было много общаго: огромное уваженіе къ родителямъ, къ дѣятельности и міросозерцанію отцевъ, чувство постоянной заботы и опеки и потоку недостатокъ самостоятельности, чрезвычайно высокій этический уровень жизни, незнаніе практической, матеріальной ея стороны, даже полное презрѣніе къ ней, и отсутствіе систематическаго воспитанія. Воспитывала не система, даже не лица, а та ответственная духовная атмосфера, которой мы дышали. При всей заботѣ о дѣтяхъ и любви къ нимъ — дѣти были какъ-бы придаткомъ въ жизни родителей, и какъ-то само собой разумѣлось, что они должны быть хорошими, ибо должны походить на своихъ отцовъ.

У дѣвочекъ Соловьевыхъ была впрочемъ, если не воспитательница, то давно живущая въ семьѣ гувернантка, прочно ставшая членомъ семьи — низенькая, широкая дама, съ широкимъ лицомъ и живыми глазами, Анна Кузминична Колерова. Она замѣчательна уже тѣмъ, что одна могла обучить по всѣмъ предметамъ умныхъ, серьезныхъ своихъ воспитанницъ, дѣвочекъ Соловьевыхъ, изъ которыхъ только одна была потомъ въ пансіонѣ Дюмушель; меньшія же двѣ, писательницы, учились у нея. Ее горячо любила, исключительной и экзальтированной любовью, какъ все у Соловьевыхъ, — Надя. Поликсела Владиміровна ее не долюбливала и немножко страдала отъ ея «деспотизма», какъ говорила моя мать, но все же, что очень характерно, — не разставалась съ нею, видѣла пользу ея пребыванія. У насъ не было гувернантокъ, и уже лѣтъ съ семи я была совершенно одна, черпая свои жизненныя познанія одинаково отъ своихъ преподавательницъ, отъ братьевъ, которые всѣ были старше меня, и друзей отца, говорившихъ на совершенно отвлеченныя и непонятныя темы.

Володя Соловьевъ и мои старшіе братья — Николай, впоследствии собиратель русскихъ пѣсенъ и исполнитель ихъ, и Левъ, извѣстный русскій философъ, всѣ трое погодики (Володя старшій), близко сдружились въ Покровскомъ и были совершенно неразлучны. Предоставленные самимъ себѣ, они съ утра до вечера придумывали какъ-бы провести время возможно полнѣе. Володя, упрямый, какъ всѣ Соловьевы, увѣренный въ себѣ и необузданный, верховодилъ. Отличнымъ сподручнымъ ему былъ Коля—Никола, какъ всю жизнь его звали Володя, горячій, веселый, черно-

глазый и вострый. Лева — болѣзненный, бѣлокурый, высокій худой мальчицъ съ большими голубыми глазами былъ отвлеченный и болѣе разсудительный, поэтому съ нимъ совѣтовались; онъ предупреждалъ и удерживалъ, но не могъ устоять и дѣлалъ тоже, что оба старшіе. Иногда самъ первый пробовалъ что-нибудь. Проникса интересомъ новаго предприятия — скатиться въ лѣсу съ крутого обрыва къ рѣчкѣ, но вмѣсто того, чтобы лечь бокомъ, перекувыркнулся черезъ голову, да такъ и пошелъ внизъ съ кручи, между пнями и стволами, не въ силахъ удержаться и кувыркаясь головой. Коля-же и Володя стояли наверху и, увѣренные, что онъ уберется до смерти, схватившись за голову, кричали и ревѣли, что было мочи.

Всѣ трое ходили, одинаково одѣтые въ русскія рубашки, сапоги и фуражки на манеръ кеши, одинаково размахивая тонкими желѣзными тросточками съ крючками. Дачники были до нѣкоторой степени терроризированы ихъ баловствомъ.

Но однажды были перейдены всѣ предѣлы.

Подъ обрывомъ внизу, на рѣчкѣ, была купальня. Вѣчное ожиданіе, скучающія группы съ простынями у прямо нахнувшей осоки. Мальчишки подожду ждали барышень Соловьевыхъ и Анну Кузминичну. Одинъ разъ было что-то очень долго. Лежали, баловались, висѣли на шаткихъ перилахъ мостковъ и стали придумывать, какъ-бы поторопить? Придумали и побѣжали къ запертой дверцѣ. Коля и Володя стаи стучать. Послышались негодующіе возгласы.

— Что за безобразіе?!

— Идите скорѣе! — кричить Коля : — Покровское горить...

Соловьевы всѣ были нервны и всегда шумно проявляли эту нервность. Пожаровъ же принято было особенно бояться, до безразсудства. Можетъ быть потому, что страшнѣе этого какъ-то ничего не случалось кругомъ. Анна Кузминична, хоть характера твердаго и рѣшительнаго, однако не отставала ничуть въ этомъ отношеніи отъ своихъ питомицъ. Поднялся крикъ и визгъ невозобразимые, дверь распахнулась, и всѣ побѣжали, одѣваясь на ходу.

На этотъ разъ негодованіе было общимъ.

II

Моя дружба съ Соловьевыми началась позднѣе. Мы жили въ Нащокинскомъ переулкѣ, въ домѣ Яковлева, богатаго купца изъ подрядчиковъ, разбогатѣвшаго отъ найденнаго въ землѣ и утраченнаго клада.

Соловьевы жили въ Денежномъ переулкѣ, въ домѣ Дворцовой

Конторы. Этотъ адресъ, который повторялся моей няней при наймѣ извозчика, казался мнѣ загадочнымъ наборомъ словъ, привлекавшимъ меня чѣмъ-то яркимъ, соединяющимся съ воскресными вечерами. Сергѣй Михайловичъ, оставившій ректорство университета, имѣлъ казенную квартиру, какъ завѣдующій Оружейною Палатою и преподаватель Наслѣдника. Комнаты тамъ были большія, всё въ одномъ этажѣ. Для Володи мѣста не хватало, и его помѣстили внизу, въ полу-подвальномъ этажѣ. Онъ уже былъ совсѣмъ большой.

У Соловьевыхъ была елка, на которую меня пригласили, и привезли насъ, меньшихъ.

Около елки на стулѣ стояла въ короткомъ синемъ платьѣ, въ длинныхъ панталонахъ маленькая дѣвочка съ огромными, темными, удивленными глазами. На одномъ глазу была отмѣтинка, вѣко было странно подхвачено, какъ-бы вырвано треугольникомъ, — повивальная бабушка при рожденіи неудачно перевязала волоскомъ родинку. Дѣвочка держала въ прогланутой рукѣ лѣвкія конфеты, таявшія отъ свѣтлой, пахнувшей подоженной хвоей жары, и глядѣла серьезно и живо. Это была самая меньшая изъ Соловьевыхъ, впоследствии мой близкій другъ — Поликсена Соловьева. Ее звали всегда Сена, Володя даже обыкновенно Сенка, — и это странное, ни на что не похожее, не то женское, не то мужское имя странно шло къ ея сложной, особенной, по женски нѣжной и по мужски немелочной душѣ.

Уже черезъ нѣсколько лѣтъ ее привезли къ намъ, въ нашу типичную старо-московскую яковлевскую квартиру, гдѣ было много комнатъ, казавшихся намъ очень большими, — и неизбежная зала съ роялемъ, и гостиная съ симметричными зеркалами, и «дѣвичья», и лѣстница наверхъ въ кабинетъ отца и къ старшимъ братьямъ. Въ нашей свѣтлой дѣтской, окнами на дворъ и съ однимъ окномъ въ чужой садъ, Сена, тоже въ длинныхъ панталонахъ, съ басистымъ голосомъ, сейчасъ же завладѣла всѣми моими игрушками.

— Переселяться! — командовала она басомъ и куда-то тащила всѣхъ — и куклу, прозванную Подстегой Сидоровной, и моего любимаго Антошку въ тарлатановыхъ панталонахъ на негнѣвшихся ногахъ, и крошечную мебель. Меньшой мой братъ, наиболѣе близкій намъ по возрасту, тоже Володя, обладавшій большимъ врожденнымъ комическимъ талантомъ, глубокой и грустной, какъ большинство комиковъ, и потому любившій смѣшное, — не могъ глядѣть на нее безъ смѣха. И она хохотала громко, заразительнымъ, смѣшнымъ басомъ.

Съ этого и началась наша дружба. Сестру ея Маню, годами

двумя постарше меня, милую Машу, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, съ блѣдно-смуглымъ лицомъ и выраженіемъ, чѣмъ то напоминавшимъ хорошеенькаго зайчика, я полюбила тотчасъ. Да и нельзя было не любить ея добрую, благородную, всю пламенную душу. Обѣ эти дѣвочки были по возрасту какъ бы самой судьбою предназначены мнѣ въ друзья.

Воскресенья мы всё проводили вмѣстѣ.

Что-то связывало насъ душевно уже и тогда. И хотя мы видѣлись только по праздникамъ, жизнь наша была общою. Мы разсказывали другъ другу всё свои впечатлѣнія и мысли, и мечты, далекія отъ какой-нибудь дѣйствительной жизни. Самыя наши комнаты и корридоръ, и чуланъ подъ лѣстницей, въ щели котораго падалъ свѣтъ, и гдѣ такъ страшно было сидѣть во время игръ въ прятки, и зала, гдѣ моя мать играла на рояли по вечерамъ, и сами звуки Бетховена и Шопена, къ которымъ мы привыкли, и большіе фігусы въ залѣ у Соловьевыхъ, бросавшіе четкія тѣни на паркетъ отъ свѣтвишей въ окно луны, — все было населено странными образами — не то изъ книгъ и сказокъ, не то изъ собственной головы и воспоминаній, и образы эти были намъ ближе и реальнѣе дѣйствительности. Маша, старшая изъ насъ, какъ-бы задавала тонъ. Глядя на нее, мать ея говорила съ болью: «охъ, Маша — острый ножъ мнѣ твоя фантазія». Мы уже тогда почти гордились этимъ. Быть, какъ тогда говорили «фантазерками» — казалось намъ совсѣмъ не плохо, обычная жизнь, съ ея будничными интересами, презиралась нами. У Маши былъ сильный, дѣрзкій голосъ. Музыка, съ которой соединялись всё наши душевные ощущенія, придавала имъ почти мучительную силу и яркость. Вопросы реальные мало интересовали насъ. Все, что происходило въ то время кругомъ, — нигилизмъ, зарождавшееся революціонное движеніе, споры о томъ, кто лучше — Пушкинъ, или Некрасовъ, Каракозовскій выстрѣлъ, — все доходило до насъ, какъ во снѣ.

До странности далеки мы были вопросамъ политики, социальнаго устройства. Лѣтъ съ 10 однако мы уже жалѣли, что тѣ, кого называли нигилистами, идутъ противъ Бога, иначе мы пошли бы съ ними на мученичество . . .

Я знала о томъ, что въ юномъ возрастѣ Владиміръ Соловьевъ пережилъ сильное увлеченіе социализмомъ и съ пылкостью и прямою, ему свойственными, кощунствовалъ, срывалъ иконы и выбрасывалъ ихъ. Онъ кончилъ гимназію что-то очень рано. Способности его были блестящи. Уже въ двадцать лѣтъ онъ кончилъ университетъ, при чемъ былъ два года на физико-математическомъ факультетѣ и уже оттуда перешелъ на филологическій; вы-

державъ экзаменъ и получивъ степень кандидата историка филологическихъ наукъ, проживъ годъ въ академіи Троицкой Лавры, былъ доцентомъ и читалъ лекціи. Путь его къ Богу, любви и христіанскому преобразованію міра совершенно опредѣлился.

Для насъ, его сестеръ и меня, онъ былъ всего носителемъ вѣры Христовой. Во время неизбежныхъ отроческихъ сомнѣній онъ былъ опорой. Онъ былъ умѣе другихъ и лучше и ученѣй, — и *върше*.

Когда въ Пасхальную ночь, измученная страхомъ, что меня не возьмутъ, дрожа отъ волненія и поздней ночи, я шла съ братьями и родителями и ихъ друзьями, гордая компаніей взрослыхъ, въ Кремль, къ Свѣтлой Заутрени, на площадку между соборами, полную движущейся, горящей тысячею огоньковъ толпой, Соловьевъ неизбѣжно былъ съ нами. Высокая, худая фигура, чудесное по духовности лицо. Совсѣмъ нельзя было представить себѣ безъ него этой московской ночи Праздника Воскресенія Христова. Густая толпа, среди которой слышалась иностранная рѣчь, длинныя, освѣщенные полыхавшими свѣчами ленты крестныхъ ходовъ, съ медленно и таинственно качающейся надъ толпой знаменитой иконой Владимірекой Божьей Матери, древность которой уходитъ въ вѣчность, ибо преданіе относитъ ее кисти Ап. Луки, съ свергающимъ Херсонскимъ запрестольнымъ крестомъ, съ митрами и старыми хоругвями; мѣдное, толкающее и мягкое буханье колокола Ивана Великаго, — и огненная змѣя ракеты, прорѣзывающая тревожно весеннее небо, и бурный трезвонъ всѣхъ колоколовъ... И непремѣнно онъ, съ шляпой въ рукахъ, со свѣчей, краснымъ отблескомъ освѣщающей строгое, блѣдное лицо и шевелящиеся отъ вѣтра волосы... Бывало, слышны въ толпѣ на площадкѣ молодые голоса:

— Соловьевъ... Соловьевъ...

И безъ всякаго знакомства съ его философской системой, безъ знанія его намѣчавшагося пути и большой роли, которая предстояла ему, ясно было, что человѣкъ этотъ — другого міра, чуждаго большинству людей. Богъ, евангельскія главы Страстной Недѣли, черныя стѣны Успенскаго Собора и мѣдные удары «Ивана Великаго», и радость того, что Христосъ воскресъ, какъ это ни странно и ни дико, и что вѣра въ это одна открываетъ истину и можетъ преобразовать міръ — вотъ что несомнѣнно въ нашихъ глазахъ несъ онъ въ себѣ и пронесъ черезъ всю свою жизнь.

III.

Жизнь Соловьевской семьи, распределение дня, самое настроение всѣхъ, — сосредотачивались вокругъ Сергѣя Михайловича. Всѣ постоянно говорили о немъ, и мы, дѣти, сидѣли въ залѣ только тогда, когда онъ не отдыхалъ въ своемъ кабинетѣ и не писалъ, а если писалъ, то сидѣть надо было смиренхонько. За обѣдомъ и чаемъ всѣ прислушивались къ тому, что онъ говорилъ, радостно смѣялись его шуткамъ и молчали, если онъ былъ озабоченъ. Впрочемъ, въ кругу семьи онъ бывалъ въ минуты отдыха и почти всегда благодушенъ. Мучила его одно время «Любимовская» университетская исторія и особенно статьи «Московскихъ Вѣдомостей» по ея поводу, — до такой степени, что у него разливалась желчь, и Поликсена Владиміровна прятала газеты. У насъ въ семьѣ была однородная драма немного позднѣе, — отецъ мой заболѣвалъ отъ нападомъ Каткова на Новые Суды.

Каждое воскресенье Сергѣй Михайловичъ уѣзжалъ въ Петербургъ на урокъ Великимъ Князьямъ. Повозка отходила вечеромъ, и послѣ семейнаго обѣда съѣзжавшіе на него родственники, — Вѣра Сергѣевна Попова съ семьей и другіе, а также мы, дѣти, шумно шли въ залу провожать; — всѣ сидѣли сначала, какъ полагалось, потомъ стояли въ передней, пока ему подавали большую медвѣжью шубу, и только, когда стихали его шаги и затворялась дверь, можно было бѣгать и играть. Проводамъ этимъ въ семьѣ придавалось большое значеніе, и Соловьевы очень рѣдко, разве по большимъ праздникамъ, на Святкахъ и Святой Недѣлѣ бывали у насъ, — обыкновенно ходили мы съ братомъ къ нимъ.

Соловьевыхъ каждое воскресенье водили къ обѣднѣ. Когда наша няня и горничная разсуждали о жизни прислуги у насъ и у Соловьевыхъ, то неизмѣнно говорили, что у Соловьевыхъ — порядокъ, у насъ же, по ихъ увѣренію «порядка не было», — ложились и вставали поздно, завтракали въ разное время, ночью подолгу сидѣли въ кабинетѣ. Вдобавокъ считалось, что въ церкви неизбѣжно должно было простудиться, и всѣ очень любили вообще разсуждать на ту тему, что «дѣло не въ этомъ». И только на Страстной недѣлѣ, въ особенности темными или залитыми горящими свѣчами всенощными и жаркими заутренями, весенними вечерами, даже ночью на разсвѣтѣ, церкви наполнялись студентами, чиновниками и профессорами и цѣлыми компаніями молодежи; жизнь выбивалась изъ колеи, и всѣ вдругъ вспоминали, что православная церковь, абсолютно истинна она или нѣтъ, устарѣло въ ней многое, или нѣтъ, и сдѣлалась ли она «полицейскимъ учрежденіемъ» (это тоже любили говорить многіе просвѣщенные мо-

свѣчи) или ѣсть — представляеть величайшую драгоценность, не допускающую и мысли о возможности измѣнить ей . . .

Мы много говорили на религіозныя темы, Соловьевы еще и много читали и рассказывали мнѣ. Старшая изъ жившихъ въ домѣ дочерей, Надя, относилась критически къ нашему «фантазированию» и страннымъ заглавіемъ одного изъ самыхъ любимыхъ нами рыцарскихъ романовъ «Рибомоны Бѣлые и Черные» опредѣляла наши настроенія. «Это все Рибомоны», — говорила она: — «Вы бы хоть немножко по-серьезнѣе стали . . . Вѣдь не маленькія» . . . Намъ это сердило, но мы и сами не обходились безъ этого нарицательнаго понятія.

Къ казенному дому Соловьевыхъ примыкалъ большой садъ съ акаціевою аллеей, ненабѣжнымъ курганомъ, особенно красивый ранней весной, когда онъ зеленѣлъ неожиданно ярко и сочно, и распускалась сирень.

Разъ въ недѣлю, у Соловьевыхъ по пятницамъ, у насъ по субботамъ — собирались «гости», къ которымъ мы, конечно, не выходили. Въ томъ кругѣ московскаго передового общества, гдѣ мы жили, всѣ дни педѣли были распредѣлены, и каждый вечеръ отецъ мой ѣзжалъ. И хотя были разные кружки, — прежде всего славянофиловъ и западниковъ, потомъ всякіе — причастные къ интересамъ театральнымъ, литературнымъ, профессорскіе и другіе — но всѣ они соприкасались близко и вездѣ можно было встрѣчать однихъ и тѣхъ же людей; безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не обходилось вообще никакое собраніе. И время вездѣ проходило одинаково: пили чай, курили и разговаривали.

У Соловьевыхъ встрѣчались гости, которыхъ не бывало въ другіе «дни», и у насъ, — больше изъ западниковъ: Е. Ѡ. Коршъ, переводчикъ Шекспира Кетчеръ, В. И. Герье, много профессоровъ и молодой ученый, оставленный при университетѣ по кафедрѣ исторіи Сергѣемъ Михайловичемъ, смысленный, тихій, съ вѣскими, чуть заикающимся говоромъ, съ косымъ рядомъ и острыми хитроватыми глазами — В. О. Ключевскій.

Въ дни, когда были гости, обычная жизнь нарушалась, мѣнялся видъ комнатъ, дѣлалось очень свѣтло отъ того, что зажигались всѣ лампы, готовили чай, и до поздней ночи раздавались звонки; долго, всю ночь, гудѣли голоса въ гостиной.

Мы гораздо больше любили наши обыкновенныя воскресенія, въ неосвѣщенной залѣ въ Девелъномъ переулкѣ, куда свѣтъ падалъ отъ уличныхъ фонарей, — когда вдоволь можно было поговорить обо всемъ. Иногда заходили мы въ пустой просторный молчаливый кабинетъ Сергѣя Михайловича. Длинныя полки книгъ, огромный письменный столъ, стопки книгъ даже на полу —

все то, что мы никогда не могли видѣть, когда онъ былъ дома, охватывало насъ любопытными, уже извѣстными намъ по учебнику Иловайскаго образами и событіями, которыми самъ онъ жилъ въ этой комнатѣ. Поздними весенними сумерками мы разглядывали портреты — гравюру Петра Великаго съ желѣзнымъ лицомъ, Екатерину Вторую.

— Два его любимыхъ историческихъ лица, — объясняла намъ Поликсена Владиміровна.

На диванѣ лежала подушка съ вышитой бисеромъ кошкой. Сергій Михайловичъ необыкновенно любилъ кошекъ, но никому и въ голову не могло придти завести ее въ домѣ: слишкомъ онъ былъ занятъ серьезнымъ дѣломъ. Кошекъ онъ странно сопоставлялъ съ душою русскаго народа: мягка и кротка, безотвѣтна до послѣдней минуты, но если раздражить — дѣлается страшнымъ звѣремъ.

Еще больше любили мы отправляться внизъ въ полунодвальную, совсѣмъ уединенную и почти таинственную комнату Володи. Вечерами, въ темнотѣ, тамъ было жутко. Комната тоже была вся въ книгахъ — на полкахъ и на столѣ, и на полу. Полъ былъ обитъ, но не липолеумомъ, котораго еще не было, — шаги утопали въ чемъ-то мягкомъ, и сильно пахло клеенкой. Мы сажались на диванъ и снова при свѣтѣ луны или фонаря съ уличны вѣли свои бесѣды. И здѣсь тоже — отсутствіе человѣка, который жилъ въ этой комнатѣ, какъ-бы что-то оставляло отъ него и уносило въ иной міръ.

Володя Соловьевъ былъ уже молодой ученый. Про свою магистерскую диссертацию, рѣзко направленную противъ господствовавшаго тогда позитивизма, онъ самъ говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Аксаковыхъ, что она такъ же, какъ и вступительная рѣчь его на диспутѣ, доставила ему «*Succès de scandale*» въ большой публикѣ и у молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратила на него вниманіе «старшихъ» — Каткова, Кавелина и особенно послѣднихъ представителей славянофильства. Онъ ѣздилъ за границу и перебрался на жительство въ Петербургъ.

Мы видѣли его въ его пріѣзды въ Москву и довольно часто. — за чаемъ и за обѣдомъ, гдѣ онъ или упрямно молчалъ, думая, или оживленно разговаривалъ и шутилъ, — за шахматной доской со своимъ братомъ Мишей, когда онъ любилъ что-то напѣвать невѣрнымъ голосомъ, все на одинъ мотивъ, — за бесѣдой съ моимъ отцомъ и братьями . . . И вездѣ и всегда смѣялись, когда онъ хохоталъ своимъ звязгивающимъ, ни на что не похожимъ и разнуданнымъ, но неудержимо искреннимъ смѣхомъ. И всякій разъ появленіе между нами его высокой, худой фигуры, медлительной,

унругой походкой, большими шагами, съ сжатой въ кулакъ рукой передъ грудью и съ прищуренными глазами, странно вносило съ собою какъ-бы вѣяніе еще недоступнаго намъ, незнакомаго міра.

IV.

Любовь къ смѣшному, юморъ безобидный, безъ сатиры и злобы, юморъ, лучшими образцами котораго являлись «Женитьба» Гоголя и рассказы Слѣпцова, и повиманіе смѣшного, было нѣчто, такъ-же сближавшее насъ съ Соловьевыми, какъ склонность къ отвлеченному и фантазія.

У Соловьевыхъ всѣ смѣялись громко, привлекая вниманіе, но смѣхъ Володи Соловьева былъ по истинѣ поразителенъ. Очень трудно передать его словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго, знавшаго его, онъ былъ совершенно нераздѣленъ съ впечатлѣніемъ о немъ, съ его лицомъ и фигурой, въ которыхъ было такъ много красоты и отличія отъ другихъ, а также и съ душой его, — глубокой и любящей смѣшное. Если-бы не было этого смѣха, былъ бы измѣненъ самый его образъ; внѣшность его была необыкновенна, какъ бы не отъ міра сего, и именно любовь къ смѣшному, цитированіе Кузьмы Пружкова, остроты и каламбуры въ письмахъ и на словахъ, и этотъ его смѣхъ, страшный, дикій, но такой заразителный и искренній, какъ бы было то, что соединяло его съ людьми, съ толпой, съ землей.

Услышавъ что-нибудь очень смѣшное, онъ вскрикивалъ, положительно пугая всѣхъ, и закатывался, запрокидывая голову. При этомъ блѣдное, строгое лицо его и глаза принимали даже удивленное выраженіе, точно онъ самъ былъ не радъ. Громко, какъ въ припадкѣ коклюша, онъ переводилъ духъ и опять «заливался», вскрикивая и взвизгивая. — Володя, что это такое! — говорила Поликсена Владиміровна. — О, Господи, Батюшка! Вѣдь это и не хорошо такъ смѣяться! — покачивая головой, замѣчала наша тихая, смиренная няня, разливая чай и пугаясь его смѣха за нѣсколькими дверями.

У моего меньшаго брата, котораго Соловьевъ любилъ за его врожденный комизмъ, была поговорка: когда онъ хотѣлъ выразить, что преувеличенная похвала имѣетъ обратное дѣйствіе, онъ называлъ ее Соловьевскимъ смѣхомъ. Когда гдѣ-нибудь на балконѣ дачи, Соловьевъ сидѣлъ, погруженный въ какія-то свои мысли, — встанетъ, бывало, его маленькій тезка и пойдетъ развалистой, подрагивающей походкой стараго брюзгливаго генерала, или, кому-то подражая, произнесетъ проникновенно: «видѣлъ я во снѣ женщину — неописанной красоты». — или обниметъ мать и, ру-

ководствуясь не мыслями, а гдѣ-то слышанными словами, произнесеть съ чувствомъ: «Мама, ты безукоризненно честная женщина» — Соловьевъ вдругъ завопитъ и пойдетъ заливаясь и захлебываясь. А мальчикъ сконфузится.

Товарищи старшихъ братьевъ сочинили оперетку, съ хорами и дуэтами на извѣстные мотивы — «Тезей Афинскій». Пьеса имѣла успѣхъ у любителей глупости, и ставили ее много разъ — и всегда были опасенія, чтобъ не отнеслись къ ней такъ какъ моя мать, которая говорила: «совѣстно глядѣть на такую галиматью». Владиміръ Соловьевъ не пропускалъ ни одного представления, и всегда его сажали впередъ для одобрения актеровъ. И чѣмъ глупѣе было мѣсто, тѣмъ громче захлебывался и кричалъ онъ отъ неудержимаго хохота. И, бывало, стоятъ актеры, отвернутыя и трясутся отъ смѣха.

Разъ, однако, не спасъ положенія и его смѣхъ.

Рѣшили поставить Тезея Афинскаго въ залѣ частной гимназіи за плату въ чью то пользу. Собралась публика нарядная, незнакомая и непредупрежденная объ ожидавшемъ ее.

Начали играть, пѣть, на лицахъ недоумѣніе, даже неудовольствіе и почти обида. По обыкновенію хохочетъ Соловьевъ, но смѣхъ его какъ-бы усиливаетъ общее недоумѣніе. Актеры стараются, придумываютъ всякіе трюки—молчаніе... И наконецъ—въ довершеніе всего—въ сценѣ, гдѣ царь Миносъ, услыша о намѣреніи Тезея убить Минотавра, падаетъ отъ смѣха на полъ, — вѣнецъ позора: три серьезные барышни, курсистки, слушательницы брата, интересовавшіяся увидѣть профессора на сценѣ, встали всѣ трое и демонстративно, пролѣзая черезъ стулья, ушли... И остался молчаливый, недоумѣвающий залъ, болтающій на полу ногами Миносъ и взвигивающій, захлебывающійся и громко перелевающій духъ смѣхъ Соловьева.

V.

Въ наши отроческіе годы Соловьевы жили въ Нескучномъ «Государевомъ имѣніи» на казенной дачѣ. Дивный, огромный паркъ, конецъ котораго казался намъ въ дѣтствѣ недоступнымъ и таинственнымъ, точно странно было, что что-то могло еще находиться за желтой стѣнной оградой,—съ дворцомъ «Александріи», съ художественными старыми воротами, столбами и навильонами, съ прудами и перекинутыми черезъ душистые овраги мостами, съ аллеями и луговинами, съ широкой гладью Москвы-рѣки... Казалось, трудно было найти мѣсто, гдѣ-бы свойство Соловьевыхъ, моихъ друзей, ихъ фантастическое настроеніе и склонность къ художест-

венному творчеству могли бы найти лучшую почву. Жизнь как бы шла гдѣ-то далеко, въ огромномъ городѣ, какъ океанъ разстланнымъ внизу, за рѣкой, за огородами и дальше, въ туманно-розовой дали и во всей необъятной Россіи. А здѣсь были полныя прошлаго, далекія отъ грубой дѣйствительности чудесныя линіи знаменитыхъ строеній, запахъ черемухи, столбѣнныхъ елей и сирени, и всѣ весеннія ночи напролетъ заливались соловьями... По праздникамъ, весенними вечерами, когда квакали лягушки, и воздухъ полонъ былъ нытьемъ комаровъ, паркъ набивался сплошной толпой, безконечными семьями замоскворѣцкихъ купцовъ, гимназистами, студентами и барышнями, и внизу на рѣкѣ въ лодкахъ плѣли «Внизъ по Матушкѣ по Волгѣ». Мы избѣгали выходить въ такіе дни, но проходили праздники, опять густой, мощный паркъ погружался въ тишину, въ ароматъ сирени, въ задумчивое шелканье соловьевъ. И не было ни людей, ни быта, какъ-бы ничего реальнаго. Соловьевская молодежь завидовала намъ: мы жили въ Покровскомъ Глѣбовѣ, но не на пыльно-чѣ шоссе деревни, а въ глухомъ уголкѣ парка, сквозь старыя березы котораго искрилась вода чистаго маленькаго озера съ двумя островками. Это была «дача у прудиковъ», носившая еще названіе Берсовой дачи, по имени исторической семьи доктора Берса, куда Левъ Николаевичъ Толстой ѣздилъ женихомъ. Мы понимали эту зависть — жизнь тамъ походила на деревню, близко былъ Ходынский лагерь, и села кругомъ, съ болтающимися причудливыми вѣшками изъ соломы, заняты были эскадронами кавалеріи. Мы любили и армію, и пушечную пальбу маневровъ, и солдатское пѣніе. Было время особеннаго величія русской арміи, недавно преобразованной послѣ старой рекрутчины. Освободительная война поднимала ее на особую высоту и внушала намъ гордость. Старшій братъ мой справлялъ воинскую повинность и привезъ домой множество солдатскихъ пѣсень, товарищи братьевъ въ новенькихъ солдатскихъ мундирчикахъ и кавалерійскихъ безкозырькахъ наполняли нашъ домъ каждую субботу. Соловьевъ любилъ подолгу жить у насъ, наверху, въ братиныхъ комнатахъ. Онъ писалъ и читалъ и часто молчалъ, какъ всегда, думая подъ общій разговоръ, — но еще чаще болталъ за обѣдомъ и хохоталъ надъ меньшимъ братомъ. Странно было, идя утромъ на террасу, съ учебниками подъ мышкой, видѣть его фигуру въ залѣ за самоваромъ въ разстегнутомъ фейерверкерскомъ мундирѣ, въ длинныхъ брюкахъ, съ длинными густыми волосами.

— Что это вы на себя надѣли, Владиміръ Сергѣевичъ? — спрашиваетъ его отецъ, обычно за какой-нибудь философской книгой сидѣвшій на креслѣ у окна въ садѣ.

Соловьевъ молчить.

— Въ мундерѣ все же лучше... — подражая фразѣ моего маленькаго брата, наконецъ отвѣчаетъ онъ.

Къ присутствію его у насъ я привыкла съ самаго дѣтства, такъ, какъ привыкаютъ къ хорошей картинѣ или роялю, или любимой книгѣ. Но возможность говорить съ нимъ меня всегда смущала. Жизнь, которою мы жили, я и его сестры, была полна захватывающаго интереса, но совершенно не соприкасалась съ нимъ — точно такъ и надо было — онъ былъ и вообще изъ совершенно другого міра.

На нашемъ балконѣ, выходящемъ въ палисадникъ, въ березовый лѣсъ и къ озеру, за послѣобѣденнымъ чаемъ, я сижу за какою-то фантастическою работою, что-то шью нескладное и, слышная общій разговоръ и смѣхъ, думаю о своемъ. Моя мать говорить мнѣ, что то, что я шью, ни на что не похоже. На моемъ чудномъ французскомъ языкѣ, на которомъ я обязана ей отвѣчать, и на которомъ, къ моей зависти, никогда не говорятъ братья. Я успокаиваю ее:

— *Ce n'est rien, maman, c'est pour les bêtises...*

Молчаніе.

— Катя, — замѣчаетъ вдругъ Соловьевъ, — *on peut faire des bêtises, encore ça passe. Mais faire quelque chose pour les bêtises...* — *je trouve que c'est trop...*

Я густо краснѣю, потому что совершенно была увѣрена, что онъ никогда не замѣчаетъ того, что я говорю, — а онъ смѣется своимъ всегда для насъ милымъ смѣхомъ.

Отецъ мой остапавливаетъ меньшого брата.

— Я тебѣ что сказала? Что ты такой разсѣянный? — влюбленъ, что-ли?

Опять молчаніе. Братъ сконфуженъ, и опять голосъ Соловьева:

— Я въ его возрастъ влюблялся въ предметы даже несуществующіе и воображаемые, — говорить онъ, обнявъ его за плечо.

— Думаю, что и теперь еще отъ этого возраста не далеко ушли. — добродушно замѣчаетъ отецъ.

И снова смѣхъ.

У Соловьевыхъ была странная черта, которая удивляла меня въ дѣтствѣ, потомъ меня заражала и стала казаться неизбѣжною. На нихъ нападала тоска. Безъ всякой причины, совершенно неожиданно, посреди нашихъ бесѣдъ, иногда смѣха — вдругъ что-то случалось.

Сидимъ, бывало, втроемъ въ тихомъ пустомъ домѣ; всѣ раз-

ѣхались, за окномъ скрипять санки, съ тяжелымъ длительнымъ грохотомъ падаютъ въ ухабы, слабо горитъ на стѣнѣ старенькая лампа. Мы всегда полны яркихъ впечатлѣній, возбуждаемы ими, — то отъ прочтенной повѣсти Тургенева, то отъ пьесы или какого-нибудь красиваго танцевальнаго вечера. И вдругъ у Маши «тоска», и все мѣняется совершенно. И жизнь, и радость, и самая лампа на стѣнѣ, и звуки рояля — все стало другимъ, тоскливымъ и грознымъ, и въ то же время таинственнымъ и прекраснѣе.

Началось это съ Маши. Мы съ Сеной долго не поддавались. Обсуждая однажды вопросъ, чего больше на свѣтѣ — радости или печали, я спросила Машу, какъ обстоитъ съ этимъ у нея? Она даже удивилась. — Конечно, больше страданій! — сказала она, какъ всегда серьезно и искренне: — а у тебя? — Мнѣ было неловко и обидно за себя, но лгать я не умѣла и созналась, что у меня въ жизни больше хорошаго, чѣмъ дурнаго. — И у меня тоже! — басомъ заявила Сена и даже обьяла меня.

Однако скоро что-то новое стало волновать и насъ.

И когда мы умственнымъ взглядомъ какъ-бы слѣдили за Машей, мы не находили ничего удивительнаго въ ея состояніи. Развѣ жизнь, съ ея красотою и властью, съ постоянно уходящими въ прошлое мгновеньями и годами, съ умершими людьми и нескоро-нимой жаждою счастья, съ грустными и страшными снами, — сами тихія комнаты и воспоминанія прошлаго — развѣ все это не хватаетъ за сердце, какъ музыка?

Я уже говорила, что мы были лишены того, что называется систематическимъ воспитаніемъ. Надя называла нашу тоску презрительно «рибомонами», но всѣ Соловьевы были рѣзко склонны къ тому же . . .

Я не знаю семья даже и того времени, гдѣ бы любовь занимала такое всепоглощающее, великое мѣсто въ жизни, какъ у Соловьевыхъ. Положительно любовь наполняла всю жизнь, и была главнымъ, что двигало ею. Можетъ это и часто такъ, но я не видела нигдѣ, чтобы это было такъ философски обосновано, такъ сознательно. Любовь была смыслъ всего. Въ ея ничего не было на свѣтѣ дѣйнаго. Я бы сказала — послѣ Бога это былъ главный предметъ культа, если бы не было истины — Богъ есть любовь . . .

Мы съ ранняго дѣтства слышали о драмѣ, которую пережила старшая въ домѣ—Надя Соловьева. Красивая, привлекательная, обожавшая брата Владимира. Онъ тоже горячо любилъ ее и, какъ самъ говорилъ мнѣ — уважалъ. Надя была счастлива. Ждали формальнаго объявленія ея невѣстой красиваго, высокаго, блондина студента съ черными глазами. Соловьевы умѣли сильно чувствовать, и счастье совершенно преобразило ее. Это было какъ

бы полный расцвѣтъ ея молодости, сила, красоты. Потому все разрушилось. Что то случилось, хотя наружно и шло все по старому. Страдала она очень долго. Одинъ разъ пришла съ прогулки въ дѣтскую, смотрѣла странно, спрашивала что-то чего вѣкто понять не могъ, и что-то вспоминая, закрыла лицо руками и заплакала. Анна Кузминичка увела ее и просила, чтобы объ этомъ не рассказывали.

Мы слышали, что женихъ ея уѣхалъ въ Петербургъ и написалъ ей оттуда, что просить его забыть, что онъ ея не достоинъ, что любить и будетъ любить только ее, но не въ силахъ отказаться отъ предстоящей ему дороги... Скоро онъ женился и быстро пошелъ въ гору, сталъ камергеромъ и министромъ... Надя не измѣнила ему, отказывала всѣмъ и въ томъ числѣ друзьямъ любимаго брата... Дружба ея съ Анной Кузминичной продолжалась всю жизнь. Уже рано обозначилась ея болѣзненность — она страдала, какъ и старшая сестра, періодической тоской, меланхоліей.

Любовь, поглощающая всего человѣка, дающая глубокія страданія и наибольшее счастье, мѣняющая человѣка и все кругомъ, сама по себѣ какъ-бы сдѣлалась цѣлью нашей жизни. Это было довольно странное чувство — жажда любви и при этомъ исканіе ея трагедіи гораздо больше, чѣмъ сама любовь. Мы всячески старались придумать себѣ предметъ такого высокаго и благороднаго переживанія... Сена очень рано нашла его въ лицѣ друга своего брата Александра Соколова. Большеглазый, мечтательный и женственно красивый, онъ, казалось, былъ совершенно подходящимъ выборомъ, но такъ какъ все ограничивалось его неожиданнымъ повлеченіемъ за чаемъ и разговоромъ съ Надеей въ нашемъ присутствіи — то это скоро прошло. Влюбилась же Сена дѣйствительно сильно, съ тоской, ожиданіемъ встрѣчи, объясненіями и слезами — въ свою кузину, ту самую красавицу Катю Романову, въ которую когда-то былъ влюбленъ самъ Володя...

Странно, что мысль о взаимномъ счастьѣ, а особенно о бракѣ, какъ то совершенно не вязалась съ нашими любвями. Въ этомъ не было-бы ничего интереснаго. Кажется, мы были-бы даже смущены такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Къ браку мы вообще относились сомнительно. Это было въ нашихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ скучныхъ хозяйственныхъ разговоровъ, которые вели наши матери, гдѣ пибудь на диванѣ, послѣ обѣда.

Съ Машей, однако, давно происходило что-то серьезное. Она была уже почти большая, и на нее надѣли длинное платьѣ. Почему-то мнѣ было жаль по этому поводу и ее, и наши дѣтскіе годы. Дружба наша не ослабѣла, но она что-то давно скрывала отъ насъ. Тоска ея стала сильнѣе, вся она измѣнилась. И когда я узнала,

что предметомъ ея серьезной любви оказался мой старшій братъ, котораго Володя Соловьевъ съ дѣтства называлъ Никола, — это совершенно выбило меня изъ колеи и потрясло мою душу. Не то, чтобы этотъ человѣкъ былъ недостойнъ ея безконечной тоски, того міра поэзіи и страсти, которымъ она заражала меня; но онъ былъ совсѣмъ простой, реальный человѣкъ, вспылчивый, пелѣпый, съ рѣзкими манерами, насмѣшками надо мной, да и надъ ней, великолѣпнымъ теноромъ, залихватскими русскими пѣснями, — «Николушка, забубенная головушка», какъ называла его очень его любившая тетюшка изъ елецкаго уѣзда; человѣкъ, жившій совсѣмъ близко наверху, любившій студенческіе кутежи и пропадавшій во время экзаменовъ изъ дома вслѣдъ за оставленной въ передней запиской на имя родителей: «изъ Соловьева 5, обѣдать дома не буду», — словомъ не представлявшій съ моей точки зрѣнія ничего необыкновеннаго. И жалость къ моему другу съ особенной силой охватила меня...

Послѣдній годъ въ Нескучномъ Соловьевы жили въ глубинѣ парка, въ лучшей его части, въ такъ называемомъ паркомъ навильюфтѣ. На плитахъ каменной террасы, *plein pied*, — сидѣлъ Сергій Михайловичъ въ креслахъ съ отежшими ногами, закутанными пледомъ. Лицо его, желтое, съ бѣлыми волнистыми волосами, было благодушно и спокойно, но сердце сжималось, при взглядѣ на него, и новое, смутное чувство, страхъ смерти, вползло въ душу. Онъ былъ боленъ своей послѣдней болѣзью. Тамъ справляли мы его послѣдніа именины. Къ нему пріѣзжали друзья и знакомые, и профессора, и Кетчеръ, и Коршъ, и Ключевскій, и поэтъ Шумахеръ, и много еще. Были и Великіе Князья, высокіе, тонкіе, воспитанные, Сергій и Павелъ, его ученики.

Осенью 1879 года Сергій Михайловичъ скончался. Похороны его отличались невиданнымъ до тѣхъ поръ многолюдствомъ. «Однихъ генераловъ было цѣлое депо», — писалъ отцу въ Крымъ, гдѣ мы были, одинъ изъ братьевъ — студентъ: — «такъ у насъ всегда. При жизни мучаютъ человѣка, а послѣ смерти чувствуютъ — умѣютъ только хоронить.» Университетъ, доставившій ему столько страданій, былъ постоянно ареной непріятностей и водневній.

Мы долго не могли наговориться, встрѣтившись. Владиміръ Соловьевъ, по рассказамъ моего брата Льва, который былъ все время съ нимъ, до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить въ приближающійся конецъ. Сена въ первый разъ видѣла его безутѣшно рыдающимъ.

Сергій Михайловичъ однажды ночью призвалъ Поликсену Владиміровну, просилъ ее быть мужественной, долго говорилъ и

отдалъ свои распоряженія. Послѣ кончины въ его столѣ оказалось пять запечатанныхъ конвертовъ и записка: «именемъ Бога прошу отдать дочерямъ». Въ конвертахъ было по 30 тысячъ каждой дочери, собранныя его непрерывнымъ упорнымъ трудомъ.

По тогдашнему это была большая сумма. И дочери его были обезпечены. При дѣлежѣ, какъ водится, были какія-то неожиданныя неприятыя осложненія, очень взволновавшія наши двѣ сестры. Въ результатѣ ихъ Владиміръ Сергѣевичъ отказался совершенно отъ своего права на сочиненія отца въ пользу старшаго брата Всеволода. Миша, во всемъ слѣдовавшій за братомъ, захотѣлъ немедленно сдѣлать тоже, но онъ былъ несовершеннолѣтній, и его попечитель и зять, проф. Поповъ, къ величайшему одобренію моего отца, рѣшительно запретилъ ему дѣлать это.

Со смертью Сергѣя Михайловича окончилось наше дѣтство, и мы вступили въ новую, сознательную жизнь.

VI.

Въ яркую лунную ночь, въ воскресенье, я была у Соловьевыхъ. Мы попрежнему вмѣстѣ проводили праздники. Они жили на Пречистенкѣ, въ домѣ Лихутина, во второмъ этажѣ. Также висѣлъ въ столовой портретъ архіерея и какого-то моряка, родственника Поликсены Владиміровны. неизмѣнно была и зала съ роялемъ и версиейными лампами по стѣнамъ, но фікусы въ кадкахъ стояли въ гостиной и тамъ же стоялъ столикъ-витринка подъ стекломъ, гдѣ хранились какія-то подношенія Сергѣю Михайловичу и его ордена. Гостиная, полукруглая, выходила на уголъ Пречистенки и Зубова, и въ окна далеко были видны бульваръ, площадь, лавки съ апельсинами за стеклами и длинная лента мигающихъ фонарей. Поздно вечеромъ, наговорившись и даже начитавшись собственныхъ дневниковъ, мы вышли въ гостинную. Въ передней только что раздался звонокъ, пріѣхалъ частый поѣздъ Соловьевыхъ, московскій вице-губернаторъ и кажется безнадежный поклонникъ Нади — Иванъ Ивановичъ Красовскій. Надя вышла къ нему въ залу; о чемъ-то говорили негромко, и когда вошли, вдругъ стало сразу ясно, что что-то случилось. Никто однако ничего не говорилъ намъ.

— Государя убили, — вся блѣдная сказала вдругъ Сена, подходя къ намъ: — оборвали ему ноги . . .

Насъ всѣхъ начала бить лихорадка.

Черезъ всѣ наши отроческіе годы проходили, какъ прерывавшаяся цѣпь, однообразныя впечатлѣнія — покушенія на Александра II. Что могли мы понимать въ этомъ? Имя Государя Александ-

ра Николаевича одинаково почиталось моимъ отцомъ, тѣми, казались намъ, кто сидѣлъ въ нашихъ гостиныхъ и тѣми, кто былъ въ дѣтской, въ дѣвичьей и кухнѣ. Государь, давній «волю». Сколько разказовъ слыжала я объ этой великой реформѣ, несслыханной мирной революціи сверху. Бывало, лежишь больная, и если сидеть около мать, то и начнетъ разказывать, какъ вдругъ въ церквахъ прочли манифестъ, какъ бабушка испугалась и заперла его въ комодъ; какъ тихо было на улицѣ вечеромъ, когда родители мои ѣхали отъ нея, и какъ въ тишинѣ слышенъ былъ отрывокъ разговора: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ...» «Свободнымъ быть, а слушаться одного!» И тѣмъ не менѣе вся та среда, которая проводила, казалось, всѣ эти реформы въ жизнь, странно встрѣчала извѣстія о травлѣ его. Возволнованно, но почти оживленно передавали другъ другу, какъ будто даже и радовались. Чему? Мы не знали. Въ Москвѣ постоянно были либеральные толки, прилично умѣренные, критикующіе, будирующие. Постоянно съ чѣмъ-то боролись, чѣмъ-то возмущались... Но люди были самые умѣренные. О сочувствіи революціоннымъ кружкамъ въ этой средѣ не могло быть и рѣчи — революціонеровъ ненавидѣли и боялись, какъ разрушителей Россіи, считали, что ихъ выступленія и губили реформы, вызывая реакцію. Самая организація этихъ кружковъ внушала ужасъ. Бѣсы Достоевскаго имѣли огромный успѣхъ.

Наконецъ, его убили.

Чувство охватившаго меня страха и дрожи не покидали меня всю дорогу по тихой, еще зимней, яркой въ лунномъ сіяніи Пречистенкѣ и въ нашемъ особнякѣ, гдѣ никого не было изъ семьи. Родители мои каждый вечеръ ходили гулять передъ сномъ до Зубова. Я обогнала ихъ на извозчичѣхъ и нетерпѣливо ждала.

— Государя убили, — сказала я, выйдя на раздавшійся звонокъ въ переднюю, и встрѣчая ихъ.

— Да кто это говорить? — спросилъ отецъ, еще не вѣря.

Ичъ уже крикнулъ на улицѣ незнакомый молодой человекъ, перевѣсившись съ извозчичьихъ саней: — Сударыня, царя убили!

Имъ казалось, что они ослышались, У воротъ пожарнаго депо стояли пожарные. Что они говорить? Разговоръ былъ совершенно мирный — говорили о лунномъ свѣтѣ, ярко игравшемъ на куполѣ храма Спасителя. Еще никто ничего не зналъ.

Вся жизнь веколыхнулась съ слѣдующаго дня. Звонили колокола, шли на панихиду и къ присягѣ. Отецъ въ полной формѣ, съ флеромъ на рукавѣ, и въ треугольной шляпѣ ѣхалъ въ Успенскій Соборъ. Читали газеты, о послѣднихъ часахъ царя, о мальчикѣ съ

корзиной хлѣба, корчившемся въ крови, къ которому онъ подошелъ, о словахъ Государя, сказанныхъ Рысакову послѣ первой бомбы и передъ второй: «Это ты, гусь, хотѣлъ меня убить?» О томъ, какъ раненный вторымъ ударомъ бомбы, онъ дрожалъ въ саяхъ и просилъ: «домой, холодно . . .» О томъ, какъ цесаревна Марія Федоровна, вызванная во дворецъ съ наслѣдникомъ, поднялась по залитой кровью лѣстницѣ, гдѣ только что пронесли царя. И у всѣхъ стало совершенно единодушное настроеніе. Не было ни у кого никакого вопроса о возможности сочувствія.

Я уже говорила — политика была совершенно далека отъ насъ. Впрочемъ казалось намъ, — что всѣ кругомъ раздѣляли наше горе и отвращеніе къ преступленію.

И вдругъ слухъ о какой-то лекціи, прочтенной Соловьевымъ, о томъ, что онъ высланъ изъ Петербурга . . . Случайно длинными уже весенними сумерками, послѣ уроковъ, передъ обѣдомъ я увидѣла его въ нашей гостиной. Онъ стоялъ въ длинномъ сюртукѣ, серьезный и блѣдный, съ выраженіемъ заносчивой, упрямой горячности. Братья и отецъ горячо говорили, споря съ нимъ. Я не принимала участія, но слушала съ волненіемъ. Мы всѣ ненавидѣли смертную казнь, мой умъ не могъ какъ-бы вмѣстить въ себя ея возможности . . . Про брата моего, философа и друга Соловьева всю жизнь, и говорить нечего . . . И все же мы спорили . . . Меня волновала опредѣленная мысль: почему онъ поднялъ свой голосъ теперь? Отчего дѣломъ, когда разстрѣляли на Ходынкѣ четырехъ солдатъ за неповиновеніе, никто не сказалъ ни слова, не допустилъ возможности возражать? Оттого ли, что всѣмъ было ясно, что если нарушится въ арміи дисциплина, то все погибнетъ?.. Теперь онъ требуетъ отъ сына убитаго — измѣнить своей властью основной законъ, всенародно сдѣлать неслыханное исключеніе для убійцы. — Я смотрѣла на него и думала о томъ, какъ онъ красивъ, блѣдный, упрямый. Что-то недоброе шевелилось во мнѣ . . . Вся Россія теперь задрогнула отъ его смѣлыхъ словъ. Въ это время до слуха моего донеслось послѣднее возраженіе, отчетливый нервный голосъ: «Ну да . . . потому что вы говорите о законѣ, «око за око — зубъ за зубъ», а я говорю — о заповѣди Христа . . .»

И онъ пересталъ спорить.

VII.

Философскія сочиненія и системы не могли интересовать насъ. Мы знали Соловьева не по книгамъ, не по лекціямъ и рѣчамъ, про необыкновенный успѣхъ которыхъ слышали, а по самой его жизни, простой, обыденной, которая проходила около насъ,

хотя онъ и бывалъ въ Москвѣ наѣздами, пропадалъ цѣлыми періодами.

Какова же была эта жизнь?

Прежде всего Соловьевъ не имѣлъ никакого жилища, никакого мѣстожителства. По словамъ псаломѣвца — «Я странникъ на землѣ, не скрой отъ меня Твоихъ заповѣдей», — онъ такъ и прожилъ свою жизнь — былъ настоящимъ скиталецъ на землѣ, и истина не укрылась отъ него.

Служилъ онъ, имѣлъ какія-нибудь обязательныя занятія очень короткое время. Очень быстро вышелъ въ отставку изъ московскаго университета, ѣздилъ въ Лондонъ, въ Египетъ, а изъ Петербурга, гдѣ читалъ лекціи въ университетѣ и на женскихъ курсахъ, былъ высланъ послѣ 1-го марта 1881 года. Такъ что съ тѣхъ поръ, какъ мы сознательно стали помнить его, онъ былъ совершенно свободенъ, внѣ какихъ-либо рамокъ, да иначе его и невозможно было представить себѣ.

Наибольшую осядлостью его былъ домъ родительскій, сначала подвальная квартира въ домѣ Дворцовой Канторы; потомъ очень долго на Пречистенкѣ передъ Зубовскою площадью, рядомъ съ залой и переднею, — узкая небольшая комната съ двумя окнами, диваномъ вмѣсто кровати, и длиннымъ столомъ, за неприкосновенность котораго онъ препирался съ Поликсоной Владиміровной, спѣшившей все убирать въ его отсутствие.

Во время спектакля, когда въ залѣ воздвигались подмостки, комната Володи обращалась въ мужскую костюмерную, гдѣ завалеко было платье, костюмы, сидѣли неузнаваемые люди съ приклеенными бородами, а на столѣ передъ зеркаломъ, среди румянъ, бѣлалъ и карандашей работалъ гримеръ.

Больше всего, кажется, жилъ Соловьевъ въ Петербургѣ, или разъѣзжалъ. Ѣздилъ очень много то за границу, то въ Финляндію, то по усадьбамъ друзей, жить особенно часто у своего друга Пертелева, у гр. Толстой, у Афанасія Афанасьевича Шеншина, Фета, котораго очень любилъ, гостилъ на дачахъ.

Въ Петербургѣ обычнымъ пристанищемъ его были гостиницы Англія, Европейская. Но и здѣсь часто онъ проживалъ у кого-нибудь, переезжалъ въ пустыя квартиры отлучившихся друзей и тамъ работалъ. Отецъ мой былъ однажды очень удивленъ, когда разыскалъ его въ Петербургѣ въ одной такой квартирѣ, въ совершенно пустой комнатѣ, гдѣ были только столъ и стулъ. На столѣ стоялъ канделябръ съ одной свѣчей; углубленіе другого подсвѣчника служило ему чернильницей, и онъ макалъ туда перо въ спѣшной работѣ. Помнится, именно свою книгу «L'Eglise universelle» писалъ онъ въ Пустынкѣ, усадьбѣ графини Толстой, жилъ тамъ совсѣмъ одинъ и за неизмѣнимъ правильно налаженна-

го хозяйства питался одной морковью. Непременно забв- жаль каждое лѣто къ намъ, гдѣ бы мы ни жили, иногда поселялся въ опустѣвшій нашъ домъ для работы. Его другъ, мой братъ Левъ, всю жизнь до страшныхъ революціонныхъ дней вклю- чительно, прожилъ на низкомъ верху нашего дома, гдѣ жили всѣ братья, въ студенческой своей комнатѣ, окнами на нашъ боль- шой дворъ. Соловьевъ входилъ къ нему, нагибаясь, чтобы не сту- кнуться о притолоку двери.

— Хорошо-ли вамъ тамъ, Владиміръ Сергѣевичъ? — спра- шивала его моя мать, — спите-то хорошо? Не мѣшаютъ вамъ по утрамъ?

— Нисколько. Только вотъ это утро курица вздумала рожать и подняла вопль необузданный.

Безъ постоянного правильнаго заработка, всегда гонимый за свою работу, которую запрещала цензура, слабый здоровьемъ, онъ очень нуждался въ деньгахъ. Это была вѣчная забота Поликсены Владиміровны, вѣчная ея тревога.

Соловьевъ бѣдствовалъ еще и потому, что отдавалъ все, что имѣлъ, куда и какъ попало. Постоянно шли у насъ наши общія семейныя обсужденія его необузданнаго нрава. Онъ какъ будто не могъ видѣть деньги, держать ихъ въ рукахъ, чтобы не отдать. И дѣлалъ это совершенно зря, по мнѣнію всѣхъ. Подкатывалъ въ Покровскомъ къ нашей дачѣ въ нарядной, почти лихаческой про- леткѣ одинъ изъ рослыхъ сыновей богатаго двора Барановыхъ; выходилъ Соловьевъ съ развивающимися волосами, въ мафферла- нѣ, который онъ называлъ «безрукавной летучей мышью», и что- то отдавалъ извозчику. Послѣ этого я слышала изъ своей дѣтской, какъ отецъ мой жаловался рядомъ въ спальнѣ матери: «Нѣтъ, Во- лодя хорошъ! Ъздилъ съ Барановымъ за рубль съ четвертью, я то дорого... — прѣехалъ и отдалъ ему... гляжу: трехрублеву! Понимаешь, — даже не поблагодарилъ его. Поглядѣлъ съ удив- леніемъ и поѣхалъ. А бѣдна Поликсена Владиміровна...» Мы всѣ привыкли и къ этимъ жалобамъ, и къ тратамъ Соловьева. Рассказывали, что повадился къ нему подь окно ходить разнос- чикъ, и онъ бросалъ деньги, ничего не покупая. Въ «районѣ» Пречистенки всѣ знали его. У извозниковъ — самыхъ послѣ ни- щихъ праздныхъ обывателей, подолгу стоявшихъ на углахъ, имѣ- вшихъ во всѣхъ домахъ постоянныхъ влентовъ и знавшихъ всѣ «дни» на недѣлѣ и всѣхъ ихъ посѣтителей (дни эти они называли «балами») — съ быстротою молніи распространялась вѣсть, что прѣехалъ Владиміръ Сергѣевичъ. Она часами дожидались передъ домомъ, соблюдая между собою какую-то очередь. Нищія прихо- дили издалека и тоже въ какомъ-то установленномъ порядкѣ, —

ждали у двери и у Соловьевых, и у нашего дома, гдѣ былъ особенно удобный для всякихъ сборищъ, бесѣдъ и ожиданій, большой подъѣздъ. Особенно одинъ нищій, бывшій раньше натурщикомъ въ школѣ Живописи на Мясницкой, куда съ юныхъ лѣтъ ѣздила на уроки Сена Соловьева, — высокій, съ сѣдыми баками, ярко краснымъ носомъ, въ дворянской фуражкѣ, сдѣлался какъ-бы общимъ знакомымъ и пользовался особымъ почетомъ. Кто онъ былъ, никто не зналъ. Знали, что онъ былъ пьяница, и иногда приходилъ съ такимъ пылающе-краснымъ лицомъ и глазами, такимъ даже фіолетовымъ носомъ и такимъ запахомъ вина, что было противно и жутко. Въ школѣ обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что совершенно неожиданно и, что называется, — ни къ селу, ни къ городу, произносилъ французскія слова. Сидить - сидѣть и скажетъ *pas du tout*. Сена его недурно написала на урокѣ, и я съ дѣтства привыкла къ его лицу съ бакейбардами. Онъ такъ и звался у насъ — нищій Володи Соловьева, такъ какъ у брата были свои постоянные, но въ отсутствіи Соловьева онъ переходилъ къ брату; послѣ же его смерти перешелъ совсѣмъ, зналъ всѣ часы его лекцій, уроковъ и посѣщеній редакцій, ходилъ иногда прямо въ университетъ, или ждалъ у насъ въ Гагаринскомъ переулкѣ у подъѣзда и звонилъ, пока братъ рассчитывался съ своимъ придворнымъ извозчикомъ Спиридономъ. И всегда соблюдалъ при этомъ умѣренность, приходилъ въ извѣстные дни и получалъ не больше двугривеннаго, часто бѣжалъ въ лавочку мѣнять рубль, если не было мелочи. Но все это были траты небольшія. У Соловьева были и серьезяѣе. То и дѣло приходили къ нему, черезъ неосвѣщенную залу, прямо въ его комнату, съ большимъ столомъ передъ окнами, какіе-то неизвѣстные люди, иногда странные и казавшіеся скучными, часто старики, и о чемъ-то говорили подолгу. Впрочемъ, тогда это было въ обычаѣ. Былъ какой-то полковникъ, страдавшій, по его собственному признацію, «напоромъ мыслей», котораго долго посылали отъ Аксакова къ Черняеву, отъ Черняева къ Толстому, отъ Толстого къ Соловьеву и наконецъ, когда уже совсѣмъ не знали, куда послать, — послали къ извѣстному всей Москвѣ — С. А. Юрьеву. Соловьевъ часто отдавалъ такимъ людямъ суммы довольно крупныя, иногда все, что въ данную минуту имѣлъ. Большой разговоръ у насъ былъ тогда, когда шили ему хорошее ватное пальто, — онъ и отдалъ его сейчасъ-же голодному и оборванному студенту.

Соловьевъ былъ упрямъ, своенравенъ и не обращалъ на большее негодованіе совсѣмъ никакого вниманія. Даже сердился.

— Не могу же я ему не отдать, когда у него ничего нѣтъ! . . .
— запальчиво, на высокихъ нотахъ, говорилъ онъ.

— Знаешь, что Поликсена Владиміровна опять сошьеть, — возмущались мои родители.

Забавите всего, что как-то во время его бесѣды съ меньшими сестрами и со мной, что случилось рѣдко, мы его боялись и смотрѣли, какъ на человѣка, намъ недоступнаго, — онъ пресерьезно доказывалъ намъ, что по природѣ скупъ.

— Чего ты хохочешь? — сердито возражалъ онъ Сенѣ, и лицо его было по дѣтски, совсѣмъ серьезно и напоминало чѣмъ-то выраженіе Сены: — если я говорю тебѣ, значитъ, я знаю. Я могу отдавать что-нибудь, потому что я хочу этого и борюсь съ собой. А по существу, на самомъ дѣлѣ — я очень скупъ, и мнѣ многое нужно и бываетъ жалко расставаться. Оттого и борюсь. Это вовсе не смѣшно . . . — Странно было видѣть его за чѣмъ нибудь житейскимъ, связаннымъ съ мелкими интересами. Вѣроятно, осуждалъ онъ себя, когда тоже намъ показывалъ стклянки одеколона, элексира, какой-то туалетной воды, которые накупилъ въ рѣдкій періодъ полочки денегъ. — Могъ и фать, — неожиданно сказалъ мой меньшей братъ, когда Соловьевъ пришелъ къ намъ въ красномъ галстукѣ; должно быть кто-нибудь подарилъ ему.

Онъ писалъ матери въ 1886 г., когда ему было 33 года, и когда онъ позировалъ Крамскому для извѣстнаго портрета, что двѣ дѣвочки выѣбгали къ нему отъ швейцара и, хватая его за полы шубы, восклицали: «Боженька, Боженька», — «видимо принимая меня за священника. А недавно, на лѣстницѣ Европейской гостиницы незнакомый, почтенный господинъ съ сѣдою бородой бросился ко мнѣ съ радостнымъ возгласомъ: «Какъ, вы здѣсь батюшка?» и когда я ему замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, меня принимаетъ за другого, — то онъ возразилъ: «вѣдь вы, отецъ Іоаннъ?» — на что я, конечно, замѣтилъ, что я не только не отецъ Іоаннъ, но и вовсе не отецъ ни въ какомъ смыслѣ . . . »

Въ самомъ дѣлѣ видъ у него былъ такой, что хотѣлось его принять за священника, или старообрядческаго архіерея, хотя блѣдное, красивое лицо его съ чистыми линиями и полными ума и огня глазами, несмотря на сѣдющіе волосы — было полно жизни, силы, даже страсти и молодо до дѣтскости. И сутуловатая фигура въ иные минуты поражала стройной щеголеватостью.

Съ юности онъ велъ жизнь, которая ужасала всѣхъ, его знавшихъ. Работалъ непрерывно и всегда по ночамъ. Наверху нашей яковлевской квартиры, въ кабинетѣ отца, его пріятель докторъ Вѣтровъ рассказывалъ ему про своего сосѣда по монастырской гостиницѣ у Троицы, Владиміра Соловьева. Вѣтровъ, гитаристъ, сочинявшій прекрасныя музыкальныя вещи и курившій Жуковъ табакъ въ чубукѣ, бритый и смѣшливый, говорилъ съ ужасомъ: —

Слышу, понимаете, рано утромъ, эдакъ въ половинѣ седьмого, въ корридорѣ голосъ Соловьева: «человѣкъ! человѣкъ!» Думаю, что такое, не заболѣлъ ли? Высунулся—вижу—стоитъ Владиміръ Сергѣевичъ блѣдный, измученный . . . совсѣмъ одѣтый . . . Что вы, Владиміръ Сергѣевичъ? Отчего такъ рано? — Да какой рано . . . Вотъ хочу чаю спросить, очень спать хочется . . . Крѣпкого бы чаю . . . — Это онъ еще не ложился! — и Вѣтровъ залился добродушнымъ смѣхомъ. Бывало досадно и смѣшно слушать, какъ они вдвоемъ съ братомъ Львомъ совѣщаются, какъ лучше бороться со сномъ. — Знаешь, я придумала превосходное средство, — оживленно рассказываетъ Владиміръ Сергѣевичъ, серьезно и убѣжденно: — самое трудное бываетъ — это въ исходѣ четвертаго часа. И вотъ тутъ, понимаешь, я ложусь, т. е. сажусь въ кресло, привалившись. Усталость такъ сильна, что засыпаешь мгновенно, но, такъ какъ положеніе очень неудобное, скорчившись, то всего минутъ на пять, самое большее на десять — и непременно проснешься. И, представь, совершенно иначе себя чувствуешь, отлично можно продолжать.

Съ моимъ братомъ Львомъ Михайловичемъ, Левушкой и Левомъ, какъ онъ звалъ его, у нихъ было огромное душевное сходство, точно у двухъ братьевъ, и отношенія были такія, какія бываютъ у родныхъ братьевъ, близкихъ по духу. Не то, что называется собственно другомъ и что приобретается позднѣе, на общихъ путяхъ жизни, но что-то не меньшее, а во многомъ и большее, и шло это неизмѣнно, всю жизнь. Любопытно, что оба они были «педоносками».

Умѣніе молчать, упрямо, строго, мрачно и непробудно — было особымъ свойствомъ Владиміра Сергѣевича. Въ обществѣ, на соборницахъ, что называется «въ гостяхъ» съ нимъ бывало это особенно часто. Никогда нельзя было ручаться за то, что онъ будетъ оживленъ и интересенъ. Весь онъ внезапно и безнадёжно уходилъ въ себя. Лицо дѣлалось страшно серьезно, какъ бы недоступно никакимъ впечатлѣніямъ, самъ онъ сидѣлъ глубоко въ креслѣ, нога на ногу, голова какъ-то уходила въ плечи, черныя брови хмурились, и сосредоточенная упорная мысль стояла въ глазахъ. Посторонніе вопросы, а иногда удивленіе окружающихъ не производили на него никакого впечатлѣнія — отвѣтить кратко и замолчать. И, бывало, ночью, усталая послѣ оживленнаго вечера, ложишься спать я, какъ встарь, слышишь слова отца въ спальнѣ: «Володя нынче — точно онъ *убилъ* кого-то» . . .

Полное равнодушіе, почти презрѣніе къ чужому мнѣнію, сознаніе, что очень естественно, что его не понимаютъ, и совершенно невольное, тоже какъ-бы врожденное чувство превосходства свое-

го надъ другими, уживалось въ немъ съ необыкновенной добротою, пониманіемъ всякаго чужого страданія и всегдашней готовностью сдѣлать все для его уничтоженія . . . Отецъ мой его любилъ нѣжно, какъ сына, при всей склонности разбирать его недостатки. Любили его всѣ мы, и наша старая прислуга, и извозчики съ нашего угла, и нищія съ подвѣзда. И такъ было всегда. Старая наша горничная Дарья, которую нѣрѣдко поминалъ въ своихъ стихотворныхъ письмахъ къ моему брату Соловьевъ — давно рѣшила, что оба они — и братъ, и Владиміръ Сергѣевичъ — святые.

VII.

То, что захватывало всю душу и всю сложную жизнь Соловьева, помимо вѣры и науки, — была любовь. Въ этомъ при всемъ несоразмѣрномъ различіи по возрасту и по значенію, онъ совершенно не отставалъ отъ своихъ сестеръ, моихъ друзей — или лучше сказать — онъ какъ-бы въ этомъ отношеніи совершенно слѣдовали за нимъ. Въ чувствахъ ихъ было много общаго до странности, — въ его всепоглощающей силѣ, въ отношеніи къ нему, въ отдаленности отъ жизни обычной, въ его какъ-бы надъизященности. И въ то же время совершенно не было въ немъ того идеализма, платоничности, исключительной духовности, которую такъ часто ошибочно приписываютъ Соловьеву. Онъ былъ человѣкъ очень сильныхъ чувствъ и сильной страсти. Любовь доставляла ему наибольшія страданія. Жизнь его была однако совершенно отлична отъ жизни мужской молодежи его кружка и времени. Къ обычной распущенности, легкости связи безъ любви, онъ относился съ отвращеніемъ.

Влюбленъ онъ былъ всегда и при томъ, какъ обычно было со всѣми Соловьевыми, какъ-то всегда всѣ знали объ этомъ. Слишкомъ ярки, сильны, сложны были эти переживанія, чтобы можно было ихъ скрыть. Слишкомъ многое влекли за собой.

Можно также сказать, что любовь его была всегда несчастна, въ томъ простомъ, по крайней мѣрѣ, житейскомъ смыслѣ, какъ принято это разумѣть. Мы всегда знали объ его романахъ, въ особенности о главныхъ и позднѣйшихъ изъ нихъ. Несчастный ихъ характеръ былъ, пожалуй, и неизбѣженъ, — любилъ онъ женщинъ властныхъ, привлекательныхъ, подчинявшихъ себя, при томъ сложныхъ, не простыхъ, которыя его мучили, и къ самымъ мученіямъ тягъ его какъ-бы влекло.

Первая любовь, по крайней мѣрѣ изъ наиболѣе серьезныхъ, была къ двоюродной сестрѣ, — Катѣ Романовой. Онъ былъ девятнадцатилѣтній мальчикъ, ей же кажется едва минуло пятнадцать

лѣтъ. Катя была красавица. Позднѣй, будучи сестрой милосердія въ Турецкую войну, она въ лазаретѣ остановила на себѣ вниманіе Императора Александра. Государь взялъ ее за подбородокъ и говорилъ съ ней. По тогдашней терминологіи ее называли кокеткой. То, что она была красавицей, съ смугло-блѣднымъ лицомъ, длинными глазами и страннымъ сходствомъ съ испуганнымъ выраженіемъ Сикстинской Мадонны — было кажется все, что можно было сказать о ней. Мы однако благоговѣли передъ ней, а Сена была въ нее «влюблена». Письма къ ней Соловьева, напечатанныя много спустя послѣ его смерти въ «Вѣстникѣ Европы», подробно рисуютъ душевное его состояніе того времени и его самого. Вспоминаешь ихъ при чтеніи его милой маленькой повѣсти «На зарѣ туманной юности», гдѣ онъ, очевидно, говоритъ о себѣ. При всей молодости Кати и непричастности ея къ очень серьезнымъ вопросамъ онъ все время разсуждалъ съ ней на самыя отвлеченныя темы и дѣлился своими философскими убѣжденіями.

Гораздо позднѣе, въ Дубровицахъ, близъ Подольска, гдѣ братья и Соловьевъ бывали въ семьѣ Поливановыхъ, Владиміръ Сергѣевичъ встрѣтилъ Елизавету Михайловну Поливанову, энергичную, остроумную, самостоятельную дѣвушку, шумную и своеобразную. Любовь его къ ней не была раздѣлена. Впослѣдствіи ей было посвящено извѣстное стихотвореніе:

Въ былые годы, любви невзгоды
Соединяли насъ.

Повидимому исцѣленіе отъ этой любви было прочно и совершенно: Владиміръ Соловьевъ въ это время подошелъ къ самому главному періоду своей жизни: онъ уже встрѣтилъ Софію Петровну Хитрово, которую любилъ глубоко и долго. Есть мнѣніе, что вся жизнь Соловьева — есть въ сущности — сплошной его романъ съ этой женщиной.

Мы слышали объ этой любви уже гораздо подробнѣе, тѣмъ болѣе, что начало ея совпало съ нашей юностью. Лично этой женщины мы не знали. Какъ-то вечеромъ Володя вошелъ къ намъ въ залу, гдѣ мы всѣ были, съ дѣвочкой лѣтъ десяти, чрезвычайно изящной, въ короткой шубкѣ, шапочкѣ и съ башлыкомъ вокругъ шеи. Пока она здоровалась, присѣдая и не смущаясь, онъ съ нѣжнымъ смѣхомъ глядѣлъ на нее. Звали ее Ветой Хитрово. Соловьевъ откуда-то долженъ былъ отвести ее домой. Весь онъ былъ полонъ оживленія, озаренъ необычайнымъ внутреннимъ свѣтомъ, имя которому — счастье.

Что могли мы знать о ней, о замужней женщинѣ, которую онъ

любили? Какъ водится, всё говорили объ этой любви, критиковали и жалѣли... Находили, что она его «мучаетъ», что она некрасива, что у нея наружность большой кошки, или тигрицы и поразительно красивыя руки. Краткія пригласительныя записки, которыя получала отъ нея Володя въ родѣ: «Я нынче дома, у меня много цвѣтовъ. Приходите...» — раздражали всёхъ у него въ семьѣ... Несомнѣнно, однако, что это была женщина замѣчательная, съ тонкимъ умомъ, большой культурою и большимъ вкусомъ, интересовавшаяся всёхъ и умѣвшая привлекать къ себѣ крупныхъ людей, и въ высшей степени обаятельная. Она жила съ теткой, графиней Толстой, вдовой поэта Алексѣя Толстого. Самый воздухъ, которымъ Соловьевъ дышалъ у этихъ двухъ женщинъ, атмосфера искусства, тонкости отношеній и духовнаго изящества — были ему необходимы.

Мы никогда не знали, счастливъ ли онъ въ своей любви и въ чемъ состоятъ препятствія къ этому счастью, но знали, что онъ испытываетъ полноту жизни, которой завидовали. То, что онъ очень страдалъ, не могло укрыться отъ насъ. Одно время, очень короткое, называлъ ее своей «невѣстой», потомъ пережилъ какое-то великое крушеніе, болѣлъ и много мучился. Всё лучшія его стихотворенія относились къ ней, были выношены около нея и вдали отъ нея.

Уходишь ты и сердце въ часъ разлуки
Ужъ не звучить желаньемъ и мольбой. (1880).

О какъ въ тебѣ лазури чистой много
И черныхъ, черныхъ тучъ.
Какъ ясно надъ тобой сіяетъ отблескъ Бога
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучъ. (1881).

Вижу очи твои изумрудныя...

Я добился свободы желанной.

И наконецъ извѣстное стихотвореніе:

Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь.
Темень взоръ и вѣнокъ твой измятъ. (1887).

Сила его любви и глубина его переживаній захватывали всёхъ, его знавшихъ. И потому не только его меньшія сестры, но и всё друзья были какъ бы оскорблены, смущены, когда уже къ концу

его жизни совершенно неожиданно, на какомъ-то свѣтскомъ маскарадѣ, онъ вдругъ влюбился до потери головы въ женщину въ маскѣ, подошедшую къ нему и уколловшую булавкой ему руку... Романъ этотъ длился недолго и тоже доставилъ ему не мало страданій...

Такъ-же, какъ называлъ онъ себя скупымъ, такъ считалъ челоуѣкомъ грубыхъ страстей, съ которыми онъ боролся. Объ этомъ особенно хорошо говорить въ своихъ воспоминаніяхъ его сестра Марія Сергѣевна Безобразова. Въ представленіи о Соловьевѣ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ насъ, близко знавшихъ его, сложился рядъ недоразумѣній. Безплотный аскетъ, какъ-бы далекій отъ всего мірскаго, съ мечтательнымъ взглядомъ и длинными кудрями, совершенно не соответствовалъ истинному его образу. Все земное — отъ природы до искусства, любви и наслажденій — было совершенно близко ему.

«Земля владычица. Къ тебѣ чело склонилъ я
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышала трепетъ жизни міровой.

Но пребываніе во Христѣ, Котораго онъ любилъ, дѣлало все язвенное ему чуждымъ. Жизнь его была не похожа ни на какую другую.

Бездомный, онъ и питался, какъ странникъ. Соловьевъ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ я помню его, не ѣлъ мяса. Въ своей предсмертной исповѣди онъ рѣшительно заявилъ священнику, что никогда не былъ вегетаріанцемъ. Воздержаніе отъ мяса было какъ-бы постъ, который онъ паложилъ на себя; къ тому же онъ считалъ этотъ постъ для себя здоровымъ. Питаясь періодами одною морковью и даже какъ-то никакъ не питаясь, всегда воздержанный, онъ любилъ изысканныя кушанья, вино. Мой меньшой братъ, живя нѣкоторое время въ гостиницѣ Англія, былъ очень удивленъ, когда Соловьевъ пригласилъ его къ себѣ въ номеръ и угощалъ откуда-то раздобытой бутылкой шампанскаго съ зернистой икрой. Сидя на дачѣ наверху за запятіями, я слышала, какъ за стѣной Соловьевъ, потягиваясь, говорилъ съ братьями: — «охъ, охъ, охъ, — наконецъ-члился мы вчера сверхъ разума». И случалось это всегда неожиданно и совершенно какъ-бы безъ причины.

IX.

Вѣра Владиміра Соловьева была не системою, не головною теоріей, а врожденнымъ, посланнымъ ему какъ бы совершенно помимо него самого даромъ. Пожалуй, это и вообще было при-
суще ихъ семьѣ. Спросишь, бывало, Сену, есть ли у нея сомнѣніе въ будущей жизни? — И она отвѣтитъ серьезно, прямо въ глаза — «совершенно нѣтъ. Понимаешь, это у меня что-то особенное, тутъ и заслуги нѣтъ: я просто *совершенно уверена, что это есть*». — И стоитъ только взглянуть въ ея глаза, съ откѣтничкой на одномъ глазу, — чтобы понять всю глубину искренности ея словъ.

Соловьевъ говорилъ какъ-то съ тѣмъ-же моимъ меньшимъ братомъ и чуть ли не именно за бутылкой шампанскаго въ его номерѣ — о безсмертіи, о состояніи души послѣ смерти.

— Значитъ ты думаешь, — началъ братъ, но Соловьевъ рѣзко перебилъ его:

— Я не думаю, я знаю . . .

Онъ рано оставилъ спиритизмъ, считалъ занятіе этимъ пред-
метомъ вреднымъ и «физически и морально». Но постоянное чув-
ство сверхъестественнаго, общеніе съ нимъ, никогда не покидало
его. У него были нерѣдко видѣнія, по ночамъ, при пробужденіи,
— не то «просоночное состояніе», не то галлюцинація, о которыхъ,
въ особености въ тѣхъ случаяхъ, когда эти явленія были стран-
ны, онъ рассказывалъ съ своимъ заразительнымъ смѣхомъ. Раз-
сказывалъ, что почувствовалъ ночью, какъ кто-то толкнулъ его;
открывъ глаза, увидѣлъ стоящую въ ногахъ странную, блѣдную
женщину, пристально смотрящую на него. — Что тебѣ? Кто ты?
— молилъ онъ ее и изображалъ намъ, какъ она отвѣчала, не раз-
жимая губъ: — люби меня, меня никто не понимаетъ . . .

Все это было такъ странно, что смѣшило насъ.

Какъ и Достоевскій, Соловьевъ «вѣрилъ въ чорта».

И. Н. Страховъ онъ писалъ: «Я не только вѣрю во все сверхъ-
естественное, по собственно говоря, только въ это и вѣрю». А по-
слѣ его кончины писалъ своему другу: «Пишу некрологъ Н. Н.
Страхова — воображаю — какъ онъ теперь удивленъ и сконфу-
женъ. Вотъ бранить то его буду, когда увижусь; не отхихикается». И
когда онъ сидѣлъ, вдругъ погруженный въ что-то, совершенно
далекое отъ происходившаго кругомъ него, съ глубокою, пламенною
мыслью въ глазахъ, — казалось, что онъ соприкасался съ другимъ
міромъ.

Онъ придавалъ большое значеніе снамъ, постоянно о нихъ
рассказывалъ и спрашивалъ объ ихъ значеніи Анну Кузминичу.
И въ письмахъ онъ постоянно упоминалъ о снахъ. Писалъ

профессору Гроту въ Царицыно, гдѣ всѣ мы жили: «видѣлъ Левона во снѣ въ дурномъ видѣ. Что съ нимъ?» «Опять видѣлъ Левона». Какъ бы ни были онъ далеко, его чувствовали всѣ близко, — все заботило его, и всѣ знали, что онъ готовъ всего себя отдать, чтобы помочь, и не по принципу, а изъ любви ко Христу. На Христѣ и только на Немъ, даже не на его ученіи, а на Немъ Самомъ строилась вся его оригинальная и глубокая, единственная въ русской философій система, политическія его дѣйствія и вся его жизнь.

Въ этой своей жизни онъ не былъ церковенъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. У него былъ обще-интеллигентный взглядъ даже вѣрующихъ русскихъ людей: немножко такъ, что все это, по тогдашнему выраженію, какъ-бы «не про него» и ему подобныхъ «писано». И въ то же время — ученый знатокъ и догматическаго богословія и исторіи церкви — онъ и церковь Христову па землѣ защищалъ въ то время, когда вопросъ этотъ мало кого занималъ, а серьезный интересъ къ нему казался чудачествомъ.

Рѣдко посѣщая службы, онъ часто говѣлъ. Заболѣвъ чѣмъ-то въ родѣ тифа, въ домѣ матери, на Пречистенкѣ, почувствовалъ себя слабымъ и настоятельно потребовалъ священника. Къ нему прибылъ пр. А. М. Иванцовъ-Платоновъ, ученый богословъ, славившійся въ Москвѣ удивительнымъ чтеніемъ Двѣнадцати Евангелій, на которое съѣзжалась вся культурная Москва. Въ домѣ всѣ были угнетены, какъ всегда въ такихъ случаяхъ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ былъ у Владимира Сергѣевича очень долго и долго съ нимъ говорилъ; тѣмъ не менѣе, выйдя отъ него, сказалъ, что не причастилъ его, что въ состояніи его повидимому нѣтъ ничего угрожающаго, а такъ какъ Соловьевъ что-то вѣлъ утромъ, — причастіе они отложили. Александръ Михайловичъ, человекъ большого ума и удивительной доброты, можно сказать даже святости, вышелъ отъ него, какъ бы чѣмъ-то озабоченный и угнетенный. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Мы тогда совершенно удовлетворились этимъ объясненіемъ. Но послѣ мнѣ пришло на умъ, не былъ-ли въ этомъ случаѣ между ними тотъ споръ по догматическому вопросу, въ которомъ признавался и каялся Соловьевъ священнику въ своей предсмертной исповѣди, и который имѣлъ значительныя послѣдствія?

Изъ службъ онъ чрезвычайно почиталъ день Святой Троицы, грядая на большое значеніе колѣнопреклоненнымъ молитвамъ за вечерней. И всегда по возможности шелъ въ этотъ день въ церковь.

И было что-то въ его вѣрѣ простое, какъ бы совершенно неотъемлемое отъ него, извнутри идущее. Въ томъ, какъ онъ крестился, садясь за столъ, какъ снималъ свою мягкую широкополую шляпу, какъ ходилъ по кладбищамъ, — кладбища онъ особенно

любилъ и, думаю, едва ли пропустилъ хоть одно изъ нихъ во время своихъ путешествій.

Смерти Соловьевъ не боялся.

Когда пришла холера, и всѣ были болѣе или менѣе охвачены паникой, онъ забавлялся стихами:

Не боюсь я холеры,
Ибо приняты всѣ мѣры . . .

Не боялся онъ и вообще ничего, чего принято было бояться. Когда одинъ изъ его любимыхъ друзей заболѣлъ острымъ психическимъ разстройствомъ, сидѣлъ съ нимъ дни и ночи, уговаривалъ и удерживалъ и отвезъ въ больницу.

Любимый всѣми, кто близко зналъ его, онъ однако тоже имѣлъ своихъ враговъ. Гордая и смѣлая душа его какъ бы задѣвала людей своей исключительностью. Правда, въ его отношеніяхъ съ людьми, въ манерѣ держать себя, даже смѣяться, пугалъ всѣхъ, въ самомъ его благодушіи и благожелательности было незаглушимое превосходство его передъ другими, которое онъ какъ бы хотѣлъ и не умѣлъ скрыть. Это быть можетъ и безпокою души болѣе мелкія. Впрочемъ, при всемъ этомъ превосходствѣ и сознаніи его у Соловьева, повторю, была самая искренняя любовь къ людямъ, исходившая все отсюда-же — изъ любви къ Христу, изъ полного восхищенія, если можно такъ выразиться, Имъ.

X.

Старый Соловьевскій слуга Алексѣй обокралъ Владиміра Сергѣевича. Исторія эта взволновала всѣхъ, его знавшихъ, наши двѣ семьи особенно. Алексѣй былъ человѣкъ не молодой, маленькій, съ жидкими взъероженными желтыми волосами и тараканьими усами, за что Мапа не безъ мѣткости сравнивала его съ облетѣвшимъ одуванчикомъ. Онъ говорилъ отрывисто, въ носъ, подавая жаркое, угощалъ насъ тихо, подъ общій говоръ: «тетеревъ... что жъ вы . . .» и въ носъ ворчалъ угрожающе, особенно, когда былъ пьянъ, — за ширмой въ передней, гдѣ жилъ.

Въ 1886 году, уже весь охваченный своей новой идеей соединенія церкви, гонимый за свои лекціи и книги и бѣдствовавшій, Соловьевъ собралъ съ немалымъ трудомъ деньги, и ѣхалъ за границу печатать свою «Теократію». Въ самый день отъѣзда, выйдя изъ своей комнаты, и вернувшись въ нее черезъ короткое время, онъ взявъ со стола бумажникъ и увидѣлъ, что изъ него вынуты всѣ деньги, пятьсотъ рублей, приготовленные для путешествія.

Отчаянію его не было предѣловъ. Владиміръ Сергѣевичъ жилъ одинъ, было лѣто. Кромѣ слуги, никого не было дома, это-то главное и поразило его. Онъ призвать Алексѣя въ свою комнату и началъ, взволнованный, блѣдный, умолять его покаяться и сознаться, — за это обѣщаль ему никому не говорить . . . и даже наконецъ *отдать* эти деньги. Алексѣй поблѣднѣлъ, какъ смерть, но отвернулся и сказалъ твердо, что ничего не знаетъ. У насъ въ дѣвичьей оживленно рассказывали потомъ, какъ Алексѣй пошелъ къ гадалкѣ и принесъ ей приговоръ: «на рыжого думать, а черныиъ взять». А Сена нарисовала эту сцену и подписала: «Алексѣй у гадалки». Уѣхавъ въ деревню, онъ открылъ тамъ лавку, пожертвовавъ въ церковь икону съ лампадой и былъ избранъ церковнымъ старостой.

Соловьевъ долго не могъ успокоиться. Деньги ему собрали, и онъ уѣхалъ. Но мучило его не то. Онъ все надѣялся, что Алексѣй раскается и возвратитъ . . . До какой степени мысль о непорядочности человѣка, котораго онъ привыкъ считать членомъ семьи, угнетала его, показываетъ его письмо къ матери осенью: «Милая мама, если Вамъ и сестрамъ все равно, то прѣзжайте въ Москву немножко пораньше, а то мнѣ было бы очень неприятно прѣзжать въ пустой домъ, или не столько въ пустой, сколько наполненный воспоминаніями объ Алексѣѣ и т. д.»

Такой человѣкъ не могъ быть равнодушнымъ ни къ какимъ человѣческимъ страданіямъ.

Изъ его вѣры во Христа и любви Христовой вытекала его забота евреевъ. Жизнь, окружавшая его, какъ бы она ни была просвѣщенна и полна высокихъ интересовъ — была все же далека отъ такой любви. Изъ этого вытекали не только всѣ трудности его пути, но и всѣ недоразумѣнія, на немъ создававшіяся. Соловьевъ не былъ ни монархистомъ, хотя христіанскую монархію называлъ «Самодержавіемъ совѣсти», ни революціонеромъ, хотя, подвергаясь преслѣдованію, невольно дѣлилъ ихъ участь, ни католикомъ, ни православнымъ, какъ понимаютъ эти слова, — онъ былъ *христіаномъ* въ истинномъ смыслѣ этого слова, и потому нужно сказать, что онъ былъ не аполитиченъ, а надполитиченъ.

Про еврейскій вопросъ онъ говорилъ, что это прежде всего вопросъ христіанскій, вопросъ о томъ, насколько христіанскія общества во всѣхъ отношеніяхъ и между прочимъ въ отношеніи къ евреямъ, «способны руководиться на дѣлѣ началами евангельскаго ученія, исповѣдуемаго ими на словахъ». Любопытно, что въ этомъ вопросѣ онъ находилъ поддержку у М. Н. Каткова и ссылался на статьи его въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Все это было

такъ же далеко отъ обычныхъ пріемовъ и побужденій борьбы, какъ и тогда, когда онъ былъ высланъ изъ Петербурга за то, что заговорилъ о заповѣди Христа.

XI.

Могъ ли Соловьевъ не придти къ тому, что послужило наиболѣе яркимъ выраженіемъ и его вѣры и его жизни — къ проповѣди о соединеніи церквей? Конечно, нѣтъ. Это былъ послѣдній этапъ его послѣдняго пути и по всѣмъ свойствамъ его души этотъ этапъ не могъ быть инымъ. Въ мечтѣ своей о преобразованіи всей жизни, въ несомнѣнномъ предчувствіи надвигающагося великаго всеобщаго крушенія онъ не могъ не видѣть, что все, что идетъ за Христомъ, должно быть воедино въ Немъ. Католичество, его высокая культура и духовная мощь, новые люди, съ которыми онъ столкнулся, сила ихъ вѣры — дали ему новыя духовныя силы. Но кажется, ни одна изъ его идей не встрѣчала столько вражды, непониманія и въ лучшемъ случаѣ равнодушія, какъ мысль о соединеніи церквей. О наукѣ нечего и говорить, въ обществѣ она была не нужна, никто ея не интересовался, а со стороны высшаго духовнаго начальства и духовной цензуры началась систематическая травля. Начавши свое ученое исприще смѣлою борьбою съ невѣріемъ, патриотъ, вѣровавшій во вселенскую миссію своего народа, православный христианинъ съ начала сознательнаго возраста, онъ больше всего страдалъ отъ представителей родной церкви.

Главныя мученія Соловьева состояли въ постоянномъ запретѣ цензурою всего, что онъ хотѣлъ печатать и издавать. Его письма, разговоры, самый видъ, когда онъ появлялся, — отражали его необыкновенную душевную тревогу. Онъ какъ бы выбитъ былъ совершенно изъ колеи, страдалъ физически и душевно.

1887 годъ, къ которому относятся эти его страданія, вообще кажется былъ самымъ тяжелымъ годомъ его жизни. Къ этому же времени принадлежитъ его стихотвореніе: «Бѣдный другъ истомилъ тебя путь».

Мысль о необходимости соединенія «двухъ великихъ половинъ христіанскаго міра» возникла у Соловьева въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ 1885 году онъ писалъ епископу Штрессмаэру свое первое письмо, датированное: «Москва въ день Непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы . . .» Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Отъ этого соединенія зависитъ судьба Россіи, Славянства и всего міра. Мы, русскіе, православные и весь востокъ *ничего не можемъ сдѣлатъ*, пока не загладимъ грѣхъ церковнаго раздѣленія, пока

не воздадимъ должное власти первосвященнической. Сердце мое горитъ отъ радости при мысли, что имѣю такого руководителя, какъ вы».

Радость, зажигающая его сердце, какъ и страданія преслѣдованій и непониманія, — дѣлали его совершенно одинокимъ.

Въ этотъ же 1887 годъ онъ прочелъ въ залѣ Историческаго музея свою лекцію — «Славянофильство и русская идея». Изъ официальной программы, разрѣшавшейся генералъ-губернаторомъ, ему пришлось исключить самое слово *церковь* и замѣнить его словами «мистическій элементъ». Объ этой лекціи онъ самъ писалъ: **«Можно себѣ представить негодованіе Московской славянофильской публики, которая въ большемъ числѣ собралась меня слушать. Я очень доволенъ этимъ негодованіемъ, такъ какъ оно должно было остаться на степени субъективнаго чувства и не было въ состояніи противопоставить моей идеѣ что-нибудь объективно значительное».**

На самомъ дѣлѣ у Соловьева не было счастливаго вида ни на этой лекціи, ни послѣ нея. Отношеніе къ нему давно мѣнялось вообще, и братъ мой вспоминалъ по этому поводу его первые успѣхи нѣсколько лѣтъ назадъ, на его лекціяхъ о Богочеловѣчествѣ, о Достоевскомъ, вѣроятно, еще больше послѣ перваго Марта; оглушительные крики и апплодисменты, начинавшіеся въ аудиторіи тогда, когда онъ только входилъ на подиумъ и снималъ шубу. Передовая и радикальная молодежь, которая шла за нимъ, какъ за своего рода новымъ вождемъ, отступилась отъ него, когда онъ весь отдался вопросамъ религіознымъ, и не въ силахъ была усвоить ихъ.

Въ Историческомъ музеѣ собралась публика избранная, большею частью старое московское общество, — остатокъ славянофильства, — почтенные, барстванные старики, дамы, интересовавшіяся «высшими вопросами», барышни изъ серьезныхъ и православныхъ, а изъ молодежи — чинные студенты, которыхъ мы называли презрительно бѣлоподкладниками. Мнѣ понравилось его своеобразное обращеніе «Почтенное собраніе», которое онъ сказалъ тихо и скороговоркой, его образный, благородный и сильный языкъ, — и то, что онъ говорилъ о духѣ Христова ученія, приводя слова Христа изъ Евангельской главы: «Не знаете, какого вы духа». Вторая часть кончилась неожиданно, словно оборвалась, и чувствовалось, что всё обидѣлось.

Анна Кузминична послѣ того за чаемъ въ Соловьевской столовой разсудительно находила, что безтактно и странно было собирать почтенныхъ стариковъ и всѣхъ обидѣть. А потомъ на большомъ сборищѣ въ ихъ «день», за длиннымъ столомъ ужина, под-

нялся споръ — два брата Трубецкіе рѣзко напали на него. Соловьевъ возражалъ серьезно, страстно и рѣшительно, былъ взволнованъ и особенно краснѣлъ. Мы же всё были заняты своими интересами, радостями, страданіями и страстями своей собственной жизни, казавшимися намъ самымъ важнымъ, что есть на свѣтѣ. На нашемъ концѣ длиннаго стола было особенно весело. Меньшой братъ, тезка Соловьева, былъ въ ударѣ, и казался намъ особенно забавнымъ. Я нѣсколько разъ просила его налить мнѣ воды, но, занятый общимъ вниманіемъ моихъ друзей и ихъ смѣхомъ, онъ не слышалъ. Вдругъ поднялась во весь ростъ фигура Соловьева въ длинномъ сюртукѣ съ хмурымъ возбужденнымъ лицомъ. Продолжая возражать Трубецкимъ, онъ подошелъ съ графиномъ и налилъ мнѣ воды. Возражалъ онъ почти запальчиво. Мы всё притихли . . . Какъ и всѣхъ другихъ, насъ мало интересовала тогда проповѣдь Соловьева, ихъ споръ и все, чѣмъ онъ горѣлъ. Совершенно новая, далекая намъ въ нашей жизни, мысль о признаніи папы и слѣдовательно объ «измѣнѣ православію» казалась намъ излишнею.

Признавая полную общность церквей, православной и католической, и находя, что нѣтъ ни одного обязательнаго догмата для православныхъ, который противорѣчилъ бы католическимъ догматамъ, Соловьевъ хорошо понималъ вредъ для дѣла соединенія церквей индивидуальныхъ случаевъ перехода въ католичество.

Объ этомъ писалъ онъ и архимандриту Антонію, впоследствии митрополиту петербургскому: «Я вернулся изъ-за границы, познакомившись ближе и нагляднѣе какъ съ хорошими, такъ и съ дурными сторонами Западной Церкви, и еще болѣе утвердившись на той своей точкѣ зрѣнія, что для соединенія церквей не только не требуется, но даже была бы злою всякая вышняя унія и всякое частное обращеніе. На попытки обращенія, направленные противъ меня лично, я отвѣчалъ прежде всего тѣмъ, что въ необычайное для сего время исповѣдовался и причастился въ православной сербской церкви въ Загребѣ . . . Вообще я вернулся въ Россію, если можно такъ сказать, — болѣе православнымъ, нежели какъ изъ нея уѣхалъ».

Его мучили не только запрещенія цензурою всего представляемаго къ печати, хотя-бы оно «даже вовсе не касалось соблазнительнаго вопроса о соединеніи церквей», но и яростная клевета и нападки въ журналахъ, преимущественно духовныхъ, гдѣ представляли его отступникомъ православной вѣры.

Вселенское дѣло, о которомъ онъ говорилъ, опредѣляло и его взглядъ на идею національную. Национализмъ, требующій, «чтобы церковный вопросъ рѣшался не *ad majorem Dei, а ad majorem Russiae gloriam*, не на религіозной и теологической почвѣ,

а на почвѣ національнаго самомиѣнія» — возмущало его... Сущность вселенскаго дѣла, которое должна была совершить Россія, Соловьевъ выражалъ словами: «Чѣмъ яснѣ вижу я все зло, протекующее изъ націонализма, тѣмъ болѣе проникаюсь великимъ и священнымъ значеніемъ единой международной или сверхнародной церкви».

Это были годы особыхъ страданій Соловьева. Гоненія цензуры ставили его въ тяжелое матеріальное положеніе. Онъ былъ безъ денегъ, началъ болѣть. Нервное состояніе его дошло до того, что онъ не могъ спать отъ малѣйшаго звука и по нѣсколькимъ ночей проводилъ совершенно безъ сна.

Отъ Троицы, куда онъ уѣхалъ для занятій, онъ писалъ Архимандриту Антонію, что имѣетъ теперь большую склонность пойти въ монахи. «Но пока это невозможно. Я вовсе не сторонникъ безусловной свободы, но, полагаю, что между такою свободой и безусловной неволей должно быть нѣчто среднее, именно свобода, обусловленная искреннимъ подчиненіемъ тому, что свято и законно. Эта свобода, мнѣ кажется, не противорѣчитъ и специально монашескому обѣту послушанія, когда дѣло касается всецерковныхъ интересовъ. А между тѣмъ допустить ли у насъ такую свободу, не потребуютъ-ли подчиненія всему безъ разбора, свято ли оно и законно, или нѣтъ? . . . »

ХП.

Послѣ этого періода кончилась наша совмѣстная съ Соловьевыми жизнь. Старшая изъ насъ, Марія Сергѣевна Соловьева, вышла въ 1888 г. замужъ за П. В. Безобразова. Меньшая, Поликсена, уѣхала съ матерью въ Петербургъ. Надежда Сергѣевна и Анна Кузминична оставались въ Москвѣ, Михайлъ, уже давно женатый, жилъ по близости на Арбатѣ и объединялъ вокругъ себя кружокъ новаторской литературной молодежи. Но квартира на Пречистенкѣ въ домѣ Лихутина, окнами на Zubовскую площадь, съ знакомыми извозчиками и нянцами, дежурствомъ своимъ у подъезда оповѣщавшими всѣхъ о пріѣздѣ въ Москву Владимира Сергѣевича, словомъ прежнее Соловьевское гнѣздо перестало существовать.

Безъ очевидной перемѣны жилъ еще нашъ старый особнякъ, въ который мы переѣхали со студенческихъ лѣтъ старшихъ братьевъ, и Владиміръ Сергѣевичъ по прежнему приходилъ и обѣдалъ, и жилъ тамъ. Сборища наши измѣнили нѣсколько свой характеръ — на нашихъ «средахъ» было гораздо больше молодежи, ряды стариковъ быстро таяли.

Давно появились новые профессора — худые высокие

князья Трубецкіе; Николай Яковлевич Гротъ, маленькій, живой съ высоко стоящими темными волосами и живыми черными глазами, В. П. Преображенскій, М. С. Карелинъ въ двойномъ пенсѣ, и много еще; и врачи-психіатры — тогда только вошелъ въ моду гипнотизмъ, интересовавшій и психологовъ, и педагоговъ, и философовъ. Всѣ эти люди грудировались вокругъ новаго, основаннаго Гротомъ философскаго журнала «Вопросы Психологіи и Философіи» и новаго Психологическаго Общества. Много было споровъ въ кабинетѣ, и наверху, у брата, въ его низенькой студенческой комнатѣ, и на засѣданіяхъ Психологическаго Общества, гдѣ общій смѣхъ вызвалъ споръ брата съ Соловьевымъ: сначала все шло хорошо, называли другъ друга: «почтенный референтъ», «мой уважаемый оппонентъ» и вдрутъ не выдержали, — и стали кричать при всей публикѣ: «Я тебѣ говорю, а ты мнѣ возражаешь це на то!» «Что ты врешь!» и т. д.

Въ это время въ Москвѣ былъ особенный центръ, собиравшій къ себѣ людей уже со всей Россіи и даже, до извѣстной степени, со всего міра, — сѣрый, деревянный домъ съ огромнымъ садомъ, примыкавшимъ къ психіатрической клиникѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, — домъ графа Л. Н. Толстого въ Хамовникахъ. Его «опрощеніе» вмѣстѣ съ его проповѣдью только входили въ моду. Говорили о его комнатѣ — сапожной мастерской, о его словахъ и о его «темныхъ», — такъ и самъ Левъ Николаевичъ, и его домашніе откровенно называли его опростившихся послѣдователей, появившихся въ блузахъ и туфляхъ, сидѣвшихъ молча по угламъ на общихъ сборищахъ, смотрѣвшихъ мрачно и съ вызывающимъ осужденіемъ. Были особенно угрюмые и особенно нелюдимиы, страшные на видъ, — съ блѣдными лицами, заросшими желтыми лохматыми бородами; такихъ называли «дремучими». Не было дома въ Москвѣ, гдѣ бы не обсуждали словъ и проповѣдей Толстого, не спорили и не бранились по поводу него. Самъ Левъ Николаевичъ въ своей бекешѣ съ сѣдой бородой, съ жесткими и умными глазами подъ нависшими бровями появлялся то тамъ, то здѣсь на московскихъ улицахъ, площадяхъ и бульварахъ, стройный, прямой, необыкновенно легкой, молодой походкой. Мы собирались въ Хамовникахъ на наши собственные сборища молодежи, — появленіе въ дверяхъ Льва Николаевича нерѣдко пугало насъ. Молодежь, посѣщавшая Хамовники, какъ кратко назывался Толстовскій домъ, была въ огромномъ большинствѣ очень далека отъ его идей.

Соловьевъ бывалъ въ Хамовникахъ, и мы знали, что они не разъ спорили съ Львомъ Николаевичемъ и не нравились другъ

другу. Впрочемъ, Соловьевъ относился ко всѣмъ съ добротой своей крупной души.

Лѣтомъ 1894 года онъ писалъ Толстому «изложеніе главнаго пункта разномыслия между мной и Вами». Разногласіе это по его мнѣнію все сосредоточено въ одномъ конкретномъ пунктѣ — въ воскресеніи Христа. Письмо это, представляющее исповѣданіе воскресенія Христова, было напечатано въ «Вопросахъ Психологіи и Философіи» послѣ смерти Соловьева.

При томъ поверхностномъ, такъ сказать, внѣшнемъ взглядѣ, какой имѣли мы, молодежь того времени и круга на обоихъ — различіе ихъ рѣзко бросалось въ глаза.

Жизнь Толстыхъ, — зала и лѣстница и всегда шумный отъ говора и смѣха садъ Хамовническаго дома, и блуза Толстого, съ ремнемъ, за который онъ засовывалъ руки, и сапоги, которые точаль, и салазки, на которыхъ привозилъ съ бассейна воду, весь заиндевѣвшій, въ валенкахъ, и его хмурое лицо, съ незабываемыми глазами, и безконечныя разговоры о томъ, можно ли ѣсть мясо и жарить кофе и не безнравственно-ли помогать деньгами, и откровенное кощунство, — и большой чайный столъ, надъ которымъ озабоченно хлопотала молодой лакей, называвшій всѣхъ членовъ семьи «ваше сіятельство»; и бездомное скитаніе Соловьева, и его фигура въ мафферланѣ и длинномъ сюртукѣ, его подчеркнуто интеллигентный видъ съ отросшими волосами, его подаренное ватное пальто и собственная почти ничтога перюдами, и болѣзни, и полное безстрашіе смерти и частое причастіе. Все это было слишкомъ различно. Толстой, говорить, утверждалъ, что вся релігіозная система Соловьева, — его вѣра — была чисто головнымъ построеніемъ. Не погому ли и упоминалъ Соловьевъ о его непрямотѣ и неискренности, сравнивая Толстого съ Достоевскимъ? Ибо трудно допустить, что Л. Н. Толстой, при его художественномъ гениальномъ пониманіи, могъ въ самомъ дѣлѣ такъ не разглядѣть Соловьева... Съ другой стороны казалось, что Соловьеву нечему было научиться у знаменитаго «учителя жизни», какъ называли Толстого писатели восьмидесятыхъ годовъ.

XIII

Любовь къ смѣшному не оставляла Соловьева и среди всѣхъ тяготъ жизни и сильныхъ затрудненій денежныхъ, а также частыхъ болѣзней; приключившаяся болѣзнь глаза пугала его больше всего. Онъ былъ правъ, говоря, что для него вопросъ о глазахъ былъ вопросомъ жизни и смерти болѣе, чѣмъ для многихъ.

Болванъ прошла, а о докторахъ и ихъ совѣтахъ онъ разсказывалъ съ обычнымъ своимъ смѣхомъ. Увѣдомлялъ между прочимъ Поликсену Владиміровну, умолявшую его съѣздить къ Боткину, объ этой повѣдкѣ : «А я, представьте себѣ, вчера ѣздилъ въ Финляндію къ Боткину, чтобы онъ мнѣ объяснилъ, отчего меня каждый день вретъ. Онъ послѣ внимательнаго изслѣдованія никакихъ настоящихъ болѣзней во мнѣ не нашелъ, а одну только общую «иннервацію», отъ которой, какъ радикальное средство, посоветовалъ жениться или, по его выраженію, «спориться» и жить спокойно. А за неудобносполнимостью этого совѣта прописалъ шилули.»

Юмористически относился онъ и къ собственнымъ неудачамъ и обычно, въ связи съ ними, къ вопросамъ общеполитическимъ. По поводу различныхъ событій и новостей вѣчно раздавался его смѣхъ.

Насколько мало подходила къ Соловьеву обычная мѣрка для опредѣленія его политическаго направленія, показываютъ его друзья, которыхъ было множество, и которые принадлежали къ самымъ разнообразнымъ лагерямъ, большею частью правымъ. Одинъ изъ его близкихъ друзей былъ Афанасій Афанасьевичъ Шеншинъ-Фетъ. Соловьевъ искренне и глубоко любилъ его и подолгу у нихъ жила въ деревнѣ. Онъ восхищался его поэтическимъ творчествомъ, считалъ его поэтомъ, принадлежащимъ къ числу самыхъ первоклассныхъ.

А. А. Шеншинъ бывалъ и у насъ. Съ огромной библейской бородой и длиннымъ носомъ, онъ точно сошелъ съ какой-нибудь картины, изображающей фарисея и саддукея. Онъ давно страдалъ астмой и обыкновенно говорилъ, задыхаясь, голосомъ хриплымъ, медленно, серьезно и съ необыкновеннымъ внутреннимъ комизмомъ, который возбуждалъ общій смѣхъ, и все казалось, что говорить онъ потѣхи ради. Сидитъ, бывало, и характеризуетъ ученіе Толстого, съ которыми былъ лично близокъ. — «Такъ вѣдь это что-жъ Левъ Николаевичъ... вѣдь это вотъ тоже у насъ былъ дядька», говорилъ онъ, задыхаясь, хрипло, медленно и вѣско : «Тоже все насъ поучалъ нравственной жизни. Но результата никакого. Потому что голословно. Начнетъ, бывало : «надо любить палашу, мамашу... дя-я-деньку!» — и Фетъ восклицалъ скучнымъ голосомъ, съ сонно-притворнымъ пафосомъ, въ носъ, и продолжалъ : « и въ самомъ тонѣ — такая скука, что совершенно никакой любви нѣтъ, а кажется, что убилъ бы его.»

Афанасій Афанасьевичъ былъ помѣщикомъ Курской губерніи. Убѣжденія его были самыя консервативныя, даже совершенно ретроградныя. онъ былъ вполне солидаренъ съ тогдашними «Московскими Вѣдомостями» и, когда онъ разсказывалъ о мужикахъ,

то смѣхъ подымался общій. Сидятъ, бывало, всё и прислушиваются къ его медлительной рѣчи, всегда негромкой и усталой. Но иной разъ кто-нибудь и попадется и начнет спорить съ искреннимъ возмущеніемъ. Тогда уже интересъ поднимается общій, а Феть съ тѣмъ же равнодушнымъ видомъ, твердо и медленно говорить такія на взглядъ всёхъ возмутительныя вещи, что начинается цѣлый поединокъ.

Соловьева увеселяли сцены изъ жизни Фета въ деревнѣ, и онъ рассказывалъ о томъ, какъ толпа мужиковъ у его балкона долго вела съ нимъ разговоръ, который закончился неожиданной угрозой Фета — застрѣлить ихъ изъ «поганого ружья», если они не уйдутъ. Мужики, расходясь, сказали Соловьеву : — Ишь, Афанасьичъ, старый чортъ, — хотѣлъ насъ застрѣлить изъ «поганого ружья».

А. А. Феть былъ близокъ и гр. Толстому и С. П. Хитрово и князю Цертелеву. Въ сыновней любви и вѣжности къ нему Соловьева чувствовалось что-то лично важное для него. Любовь къ поэзіи Фета, котораго онъ называлъ въ письмахъ «мой истинный, анти-утилитарный поэтъ» придавала ихъ отношеніямъ особую значительность. Соловьева возмущало отношеніе къ Фету критики, и онъ говорилъ о чувствѣ «обиды и стыда за русское общество», когда ни о переводѣ «Фауста» Фета, ни о его «Вечернихъ Огняхъ» не было отзывовъ. Феть и его жена — тихая, кроткая, благоразумная Марья Петровна платили и ему заботой и большой привязанностью. Соловьевъ постоянно посѣщалъ ихъ, живалъ въ деревнѣ и скучалъ за границей «по милому Воробьевскому обществу».

XIV

Мы жили врозь, но всё были соединены невидимыми, непререываемыми нитями нашей дружбы. Въ сущности своей всё наши стремленія, вкусы, цѣли были тѣ же. Тѣ же почти, въ своемъ главномъ, были вѣрованія.

Мы всё занимались искусствомъ. Въ семьяхъ нашихъ не было грѣха преувеличенія нашихъ талантовъ. Меньшая изъ насъ — Сена ѣздилъ въ школу Живописи и Ваянія на Мясницкой съ равнаго возраста. Надя смѣялась надъ ней за эту стойкость и увѣряла, что всё мы будемъ обременены семьями и даже внуками, когда она будетъ по-прежнему спѣшить на вечернія занятія, и изображала, какъ она будто-бы уже въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ, съ трясущею головою, будетъ сидѣть съ кисточкой передъ мольбертомъ, а Сена слушала съ досадою,

не переглянувшись со мной, хохотала и дискантомъ и басомъ... Въ Петербургѣ она бросила правильныя занятія живописью, но работала и выставляла картины; нѣкоторыя изъ нихъ были куплены, одна даже лицомъ высокопоставленнымъ, что возбуждало опять таки не мало всякихъ остроумныхъ вадъ ней замѣчаній. Вся же она отдалась литературѣ; писала стихи, рассказы и повѣсти и издавала вмѣстѣ со своимъ другомъ Н. И. Манасеиной журналъ для дѣтей «Тропикку». Въ этомъ журналѣ она хотѣла дать дѣтямъ тотъ религіозный и сказочный міръ, который составлялъ прелесть ея собственнаго дѣтства. Книжка ея стиховъ удостоилась преміи имени Пушкина. Въ отвѣтъ на мою радостную поздравленія, она писала мнѣ: «Видитъ Богъ, что я не радуюсь и не придаю этому значенія. Одно утѣшаетъ меня — Пушкинъ-то теперь ужъ навѣрное знаетъ, что я искренне совершенно не считаю себя достойной похвалы, соединенной съ его именемъ...» Видалась мы рѣдко, но всегда такъ длинны и задушевы были разговоры.

Соловьевъ болѣлъ, но жилъ той-же своей страннической, мягкой, не укладывающейся ни въ какія рамки жизнью. Также радостно было его появленіе, также, не смотря на часы замкнутого молчанія, находившіе на него, всюду вносилъ онъ съ собой блескъ своего остроумія, оживленіе и смѣхъ. Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ, и всѣ, его знавшіе, старались лучше устроить его, облегчать ему тяготы жизни. И было въ этомъ какъ-бы что-то схожее съ пріемомъ страдниковъ, монаховъ изъ Святыхъ мѣстъ далекаго прошлаго.

Письма къ брату и къ общимъ друзьямъ — Трубецкимъ, Гроту и другимъ, читались вслухъ. Очень часто, впрочемъ, ихъ не показывали, и братъ мой говорилъ мнѣ иной разъ: «Принеси мнѣ, пожалуйста, это письмо. Только не читай его. Тамъ стихотвореніе, чортъ знаетъ какое». Это черта — любовь чистыхъ людей къ ничиннымъ глупостямъ — была въ немъ особенно забавна. Среди своихъ заботъ и страданій, его какъ-бы неудержимо влекло къ смѣшному, ко всякому вздору. Чувствуя какую-то навязчивую потребность въ каламбурахъ, онъ передѣлывалъ имя брата изъ Льва въ Тигра Михайловича, — приходила Поликсева Владиміровна съ письмомъ, гдѣ онъ съ безпокойствомъ спрашивалъ мать: «Объ Левушкѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я ему писалъ, но такъ какъ на адресѣ поставилъ: Крокодилу Михайловичу, а потомъ зачеркнувши: Евфрату Михайловичу, то, можетъ быть это письмо и не дошло». Забавляло его почему-то слово «неврить», которымъ онъ страдалъ, по опредѣленію докторовъ, и онъ то и дѣло

остричь и каламбурилъ на его счетъ. «Кому, какъ мнѣ, доктора говорить о невритѣ (о, не врите..)»... и такъ далѣе. Мы всё очень любили его, какъ онъ самъ ихъ называлъ, *шутовскіе* стихи, поэмы и пьесы : монологъ волка изъ мистеріи «Бѣлая лилія», «Рыцарь Ральфъ», «Пророкъ», (Угнетаемый насиліемъ черни дикой и тупой), странное, бредовое «Видѣніе» — «Таинственный пономарь», — все это запоминалось нами наизусть. Сена рисовала длиннаго рыцаря Ральфа съ зонтикомъ, а братъ мой Левъ особенно хорошо и выразительно читалъ. Но и самъ Соловьевъ произносилъ такіе стихи серьезно, съ нѣкоторымъ таинственнымъ пафосомъ. До сихъ поръ какъ-бы слышенъ его голосъ всякому, кто при этомъ присутствовалъ, когда вспоминаешь особенно его Пономаря :

Я женщина безъ разума и воли
А врагъ силенъ...
Графъ Адальбертъ ужъ не вернется болѣ.
— Верну-улея онъ!!

— завывалъ онъ свирѣпо и таинственно :

Онъ беззаконной отомститъ супругѣ.
Долой стихарь!
Предъ твоею рыцарь въ шлемѣ и кольчугѣ —
Не пономарь.

Говорятъ, будто въ «Пономарѣ» онъ намекалъ на собственную свою участь, на свой главный романъ. И въ то же время глубокая грусть и упорная, непобѣдаемая, неустранимая мысль въ глазахъ среди общаго смѣха и говора и внезапно долгое молчаніе — точно вдругъ среди людей и смѣха ушелъ куда-то.

Сидить и принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Разговоръ отвлеченный — о добрѣ и злѣ, о насиліи и чувствѣ возмущенія.

— Я ничего не хочу злого, — говорить онъ вдругъ : — я хочу только — чтобы Побѣдоносцевъ не мѣшалъ мнѣ печатать моихъ книгъ.

Мысль эта не давала ему покоя...

По поводу его замкнутой сосредоточенности, какого-то страннаго отсутствія, братъ говорилъ съ любящею улыбкой, но не объясняя, что съ Володей бываетъ что-то странное : онъ вдругъ (иногда за обѣдомъ) замолкаетъ и сосредотачивается, беретъ кусокъ бѣлаго хлѣба и красное вино и пьетъ съ благоговѣйнымъ и страннымъ выраженіемъ.

Въ 1897 году скончался старшій изъ тѣхъ трехъ безпокойныхъ друзей, которые разгуливали по Покровскому съ тросточками и производили безпорядокъ — мой братъ Николай. Соловьевъ написалъ моему отцу: «Со смертью Николая у меня какъ-бы оторвался кусочекъ моей собственной души. Я недавно видѣлъ Вася во снѣ обоихъ» (родителей) «и долго-долго говорилъ съ Вами».

Ему и давно умершему А. А. Соколову Соловьевъ посвящалъ «Три разговора», — лучшее, что онъ написалъ, по собственной его оцѣнкѣ.

Въ послѣднiе годы, въ силу разныхъ обстоятельствъ, я мало видѣла Соловьева, — жизнь тогда особенно сильно захватила меня. Вдобавокъ, я заболѣла и едва поправилась ко дню его смерти.

Къ больной, онъ приходилъ ко мнѣ, сидѣлъ тихо, много молчалъ. Одинъ разъ сказалъ, имѣя въ виду нервный характеръ болѣзни:

— Когда захочешь о ень, тогда и выздоровѣешь.

Я понимала истинность его словъ, но не могла и не хотѣла объяснить ему, что у меня вообще не было ни къ чему никакой охоты. Сидя у меня, онъ спросилъ дать ему листокъ бумаги и написалъ въ мою неначатую кожаную тетраду:

У СЕБЯ.

Дождались меня Вѣлья ночи
Надъ просторомъ густыхъ острововъ.
Снова смотреть знакомыя очи,
И мелькаетъ былое безъ словъ.

Въ царство времени все я не вѣрю
Сиду сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «на-всегда» — не могу.

При мерцанiи долгомъ заката,
Предъ минутной дремотою дня,
Что погибъ его свѣтъ безъ возврата —
Въ эту ночь не увѣришь меня.

Потому ли, что были обострены всѣ воспрiятiя, или на немъ самомъ уже лежала печать конца, но стихотворенiе это возбуждало во мнѣ мучительную тоску. Безъ слезъ я почти не могла его читать.

Зато совсѣмъ почувствовалось вѣяніе того, что подходило къ нему, когда появились его послѣдніе стихи:

Вновь бѣлые колокольчики
Въ грозные, знойные
Лѣтніе дни
Бѣлые, стройные
Тѣ-же они.

Призраки вешніе
Пусть сожжены
Здѣсь вы нездѣшніе
Вѣрные сны.

Зло позабытое
Тонетъ въ крови
Всходитъ омытое
Солнце любви.

Замыслы смѣлые
Въ сердцѣ больномъ.
Ангелы бѣлые
Встали кругомъ.

Стройно воздушные
Тѣ же они
Въ знойные, душевные,
Тяжкіе дни.

Почему-то казалось, что ему уже тяжело дышать, что онъ все сказалъ, и никогда ничего больше и не скажетъ здѣсь.

Онъ въ это время былъ уже боленъ.

XV.

Смерть Соловьева была при обстоятельствахъ, до чрезвычайности характерныхъ для всей его жизни, какъ бы совершенно послѣдовательнымъ завершеніемъ этой жизни.

Въ іюль 1900 года Владиміръ Сергѣевичъ, продолжавшій свои скитанія, поѣхалъ къ князю С. Н. Трубецкому, который жилъ это лѣто въ имѣніи своего брата, московскаго предводителя дворянства, П. Н. Трубецкаго, въ его отсутствіи, въ село Узкое, за Калужской заставой. Вхвать надо было на лошадахъ, желѣзной дороги

туда не было. Дорогой на извозчикѣ онъ чувствовалъ себя такъ дурно, что хотѣлъ вернуться назадъ, но, по собственному разказу, подумалъ, что можетъ быть онъ умереть, и рѣшилъ: ужь если умирать, такъ, конечно, у Трубецкихъ, у княгини Прасковьи Владимировны. . . И поѣхалъ дальше. Ему было такъ не хорошо, что онъ слегъ сейчасъ же, положили его въ кабинетъ на диванѣ. Тамъ онъ и скончался, проболѣвъ недѣли три. Положеніе его было признано сразу такимъ грознымъ, что съѣхались всѣ Соловьевы и жили у Трубецкихъ въ Узкомѣ.

Я проводила лѣто, еще больная, съ родителями въ старинномъ подмосковномъ имѣніи князя Щербатова — Братцевѣ. Сена не разъ пріѣзжала ко мнѣ.

Братъ мой и любимый братъ Владиміра Сергѣевича Михаилъ были за границей.

Отъ диагноза врачей создавалось впечатлѣніе, что Соловьевъ умеръ «отъ старости» — въ сорокъ семь лѣтъ своей необыкновенной, высокой и чистой жизни. Онъ все время былъ въ памяти. Утромъ того дня, какъ потерялъ сознание, причастился у мѣстнаго священника.

Въ письмѣ этого священника, напечатанномъ въ 1910 году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», вслѣдствіе споровъ о томъ, были ли Соловьевъ тайнымъ католикомъ, говорится, что Владиміръ Сергѣевичъ исповѣдывался съ «истинно христіанскимъ смиреніемъ», исповѣдь продолжалась не менѣе полчаса. Онъ между прочимъ сказалъ, что не былъ на исповѣди уже года три, такъ какъ, исповѣдовавшись въ послѣдній разъ, поспорилъ съ духовникомъ по догматическому вопросу и не былъ допущенъ имъ до св. Причастія. «А по какому, не сказалъ. Только прибавилъ: священникъ былъ правъ, а поспорилъ я съ нимъ единственно по горячности и гордости; послѣ этого мы переносывались съ нимъ по этому вопросу, но я не хотѣлъ уступить, хотя и хорошо сознавалъ свою неправоту: теперь я вполнѣ сознаю свое заблужденіе и чистосердечно каюсь въ немъ». Священникъ спросилъ, не припомнитъ ли онъ еще какихъ-нибудь грѣховъ? — «Я подумаю и постараюсь припомнить», — сказалъ Соловьевъ. Священникъ предложилъ ему подумать и стать собираться идти служить литургію, но онъ его остановилъ и просилъ прочесть ему разрѣшительную молитву, такъ какъ боялся впасть въ безпамятство. Священникъ исполнилъ его желаніе и пошелъ въ церковь служить обѣдню, откуда вернулся съ «обѣденными» св. Дарами. На вопросъ, не припомнитъ ли онъ за собой еще какого либо грѣха, — онъ отвѣчалъ:

— «Нѣтъ, батюшка,—я молился о своихъ грѣхахъ и просилъ у Бога прощеніе въ нихъ, но новаго ничего не припомнилъ».

Въ этотъ же день Соловьевъ впалъ въ безпамятство и до самой кончины не приходилъ въ себя.

Передъ смертью онъ бредилъ и въ бреду между прочимъ молился за несчастный еврейскій народъ. Скончался тихо, окруженный семьей.

Уже въ самое послѣднее время мнѣ довелось слышать отъ знаменитаго католическаго проповѣдника, автора книги о Соловьевѣ, что, по имѣющимся у нихъ документальнымъ свѣдѣнiямъ, Соловьевъ присоединился къ католицизму тайно и причащался у католическаго священника Н. Толстого. Побужденiемъ къ этому было то, что Соловьевъ будто бы былъ тоже тайно отлученъ Синодомъ отъ причастiя, что лишенiе причастiя очень угнетало его.

Отъ настоятеля канциской церкви, протоiеря отца Г. Остроумова, который видѣлся съ Соловьевымъ въ послѣднюю его поѣздку за границу, незадолго до его кончины, — я слышала, что они много говорили о католицизмѣ и взглядѣ Соловьева на папскую власть, и Соловьевъ сказалъ такую фразу: «Да, я созналъ теперь, что много въ этомъ отношенiи увлекался».

Сопоставляя однако съ этимъ все, что говорилъ самъ Соловьевъ по поводу соединенiя церквей, — не слѣдуетъ ли придти къ заключенiю, что вопросъ о томъ, причащался ли Соловьевъ по «унiатскому обряду» или нѣтъ, мѣняетъ мало сущность пламенной вѣры, съ которой онъ прошелъ всю жизнь, и его принадлежность къ *вселенскому* христіанству, которому онъ служилъ.

Мнѣ пришлось ѣхать съ княземъ С. Н. Трубецкимъ въ Дѣвичій монастырь, гдѣ похороненъ былъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ и мой братъ, другъ дѣтства Володи, — намъ поручили заказать ему могилу. Дорогой Трубецкой просто и грубо бранилъ даму, покрывшую сердце Соловьева, такъ неожиданно и быстро на маскарадѣ. «Вѣдь сколько это силъ подорвало въ немъ», — мрачно говорилъ Трубецкой, самъ усталый и блѣдный, все сокрушаясь о его судьбѣ. Потомъ онъ вдругъ спросилъ меня:

— А вы знаете, что Поликсена Владиміровна говорила ему о васъ: «вѣдь вотъ женился бы на порядочной дѣвушкѣ, то-ли дѣло, — и жилъ-бы спокойно». А онъ отвѣчалъ: «Ахъ, мама, ну какъ я могу на ней жениться? Когда она у меня почти на колѣняхъ родилась»!...

— Знаю, — отвѣчала я и опять какъ бы ясно слышала звукъ его смѣха.

Онъ такъ я написалъ мнѣ на книжкѣ стиховъ, которую подарилъ: «Родившейся у меня на колѣняхъ».

Соловьева отпѣвали въ университетской церкви, и тамъ я въ послѣдній разъ увидѣла его. Блѣдное лицо его съ непривычно,

совсѣмъ коротко остриженными волосами, еще блѣднѣе и чище и строже, чѣмъ при жизни, напоминало прекрасную византийскую икону. Было что, народу собралось гораздо меньше, чѣмъ было бы въ другое время; не было кажется рѣчей — онѣ тяжело нарушили бы строгій характеръ его простыхъ похоронъ. Уже когда мы шли за гробомъ по Пречистенскѣ къ Дѣвичьему монастырю, я очутилась рядомъ съ женщиной высокой, очень худой, изможденной, и узнала Е. И. Поливанову.

Я вдругъ спросила ее:

— Помните: «Въ былые годы любви невзгоды» . . . —

Она улыбнулась и отвѣтила быстро:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ . . . Я сейчасъ заплачу . . .

Были еще какія-то очень странныя, по простой терминологіи «чуждыя» женщины, странно одѣтыя; профессора, Трубецкіе, Гольцевъ, студенты . . . Были нищие и знакомый нищій въ дворянской фуражкѣ съ бакенбардами и краснымъ носомъ . . . Извозчики снмали на возлахъ шапки и крестились . . .

Похороненъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ около отца. На деревянномъ крестѣ его долго висѣли — православная икона, перламутровый образъ изъ Іерусалима, и шитое шелками католическое изображение Ченстоховской Божьей Матери, которую онъ почиталъ особенно, съ надписью по латыни. На памятникѣ, который поставила Надя, — сестра его Поликсена захотѣла непременно, чтобъ была надпись «Ей, гряди, Господи».

Всѣ Соловьевы ушли.

Первый послѣ Владиміра Михаилъ — умеръ при обстоятельствахъ необычайныхъ: его жена застрѣлилась въ ту минуту, когда доктора подтвердили его смерть.

Грустинѣ всѣхъ, казалось, была судьба Маріи Сергѣевны Безобразовой. Когда большевизмъ окончательно разметалъ насъ, старшая ея дѣвочка, заботившая психически, умерла. Мужъ — тоже, а она съ двумя младшими дочерьми пропала безъ вѣсти. Былъ слухъ, что и она умерла.

Съ Поликсеной мы давно встрѣчались рѣдко. Последніе годы она жила на югѣ, въ Θεοδοσία, тамъ переживала большевизмъ, голодъ, нищету и болѣзнь, безъ помощи и нужныхъ лѣкарствъ. Уже изъ Москвы, изъ больницы, она прислала мнѣ послѣдніе свои стихи въ письмѣ нашего общаго друга. Въ этомъ стихотвореніи передана вся безжѣрная тоска, выразившаяся въ тоскѣ по лѣсу, по его прѣлой, темной и душистой свѣжести. Лѣсъ она любила всегда особенно, больше всего. Я всегда вспоминала наше дѣтство, какъ мы, перейдя огромный ровъ, вошли съ ней около Мытищъ въ вѣковой еловый боръ — Лосинный Островъ, въ его грозную, хо-

лодную въ жаркій день темноту, рѣзко пахнувшую хвоей, и какъ она остановилась, очарованная.

Есть люди, за которыхъ не страшно, когда ихъ провожаешь къ могилѣ. Таковы были они — Соловьевы. Это особенно странно и трогательно въ людяхъ, страстно любившихъ жизнь, землю, ея прелесть. Пламенною любовью, духомъ Христа и непоколебимой вѣрой въ вѣчность горѣли ихъ сердца.

И можетъ быть на крестѣ каждаго изъ нихъ слѣдовало-бы написать великія слова, написанныя на крестѣ Владиміра Соловьева: Ей, гряди, Господи.

К. Ельцова.